

STALKER

Сергей Недоруб

[ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ]
ЗВУКИ ПРИПЯТИ

Апокалипсис-СТ

Сергей Недоруб

**Золотая коллекция.
Звуки Припяти**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Недоруб С. И.

Золотая коллекция. Звуки Припяти / С. И. Недоруб —
«Издательство АСТ», 2023 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-159466-4

Цикл «Золотая коллекция» продолжается легендарным романом Сергея Недоруба о сталкере Борланде! Однажды в Чернобыльской зоне отчуждения появляется новичок... Казалось бы, обычная история! Вот только этот новичок каким-то непостижимым образом знает аномальную территорию куда лучше бывалых бродяг. Да и цель у него нетривиальная: он намерен преодолеть неприступный Заслон — темный купол, окружающий центр Зоны, сквозь который ни у кого не получалось проникнуть. Опытный сталкер Борланд берется помочь Марку, еще даже не предполагая, какие события повлечет за собой это решение. Ранее книга издавалась под названием «Песочные часы»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159466-4

© Недоруб С. И., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Недоруб

Золотая коллекция. Звуки Припяти

STALKER

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Серия «Stalker» основана в 2013 году

© Недоруб С., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Марк

– Значит, слушайте сюда. Есть куча способов откинуть копыта в Зоне. Но не так много, как в городе. Грузовик вас не собьет, в канализацию не провалитесь, кирпич на башку не свалится. Короче, романтика! Все, что здесь нужно, чтобы не склеить ласты раньше времени – это соображалка.

Проводник по кличке Бергамот выразительно постучал себя толстым пальцем по голове. Трое сталкеров внимали ему с почтением.

– И именно соображалку мы с вами сейчас должны поставить на место. Собственные мозги с этого момента – ваши лучшие друзья. Если нужны подробности, я объясняю. Вы все привыкли, что вас окружает Система. Если вас придавит тачка, вы идете в суд. Если беспредельщики подрезали кошелек, вы бежите стучать ментам. Так вот, в Зоне всего этого нет. Знать это мало, нужно этим жить. Понятно?

– Понятно, – охотно согласился самый молодой из троицы.

– Ни хрена тебе не понятно, Орех. Это тебе не экзамен, где надо вспомнить то, что прочитал в книжке. Когда на тебя смотрит дуло, или ведро «жгучего пуха» летит в морду, или какая-нибудь чернобыльская сволочь с кучей когтей хочет вспороть тебе брюхо, ты сразу же забываешь о понтах и вспоминаешь, как ты любишь жизнь и маму. Проверено поколениями, малыш.

Сталкеры слушали инструктаж проводника в заброшенном доме Рубежа. Все были облачены в стандартные куртки новичков, выданные им Бергамотом. Куртки были поношенными, но прочными и без повреждений – еще одно доказательство, что никто из прежних их владельцев не получил шальную пулю и не напоролся на клыки мутировавшего кабана. Проводник не мог не гордиться этим.

– Так что на всякий случай напоминаю, – подвел итог Бергамот. – Раскидывать мозгами почаще, халтурить поменьше. И будет вам счастье. Усекли? Выдвигаемся.

Его команда вышла, а Бергамот задержался, чтобы еще раз проверить рюкзак.

Предстоящая ходка ему не нравилась. Совсем не нравилась.

В двери показалась тощая фигура.

– Не ходи с новичком, – произнес вошедший.

Бергамот набросил рюкзак на плечо и устремил на него гневный взгляд.

– Я проводник, Мифуна! – громыхнул он басом. – Что, я должен тебе напоминать, кто мы? Отойди!

Оттеснив Мифуну в сторону, Бергамот махнул рукой поджидавшим его сталкерам.

– Наливаем вечером, – бросил он на прощание и во главе троицы сталкеров зашагал в дебри Зоны.

Опираясь на дверной косяк, Мифуна смотрел ему вслед.

– Возвращайся живым, брат...

Бергамот был грузным и выдавшим виды мужиком, возрастом за пятьдесят, обладающим широкими знаниями о Зоне, разумеется, в тех пределах, в которых Зона подвергалась изучению. Он не отличался особенными талантами выживания, у него не было повышенной чувствительности к аномалиям. Меткая стрельба тоже не являлась его сильной стороной. Сам сталкер никогда на это и не претендовал. И все же Бергамот пользовался уважением за ответственное отношение к делу и наличие собственной, довольно немудреной философии. Бергамот верил, что Зона не может сама по себе влиять на человека, и всем депрессиям, сумасшествиям и бес-

связным мыслям есть четкие объяснения, не содержащие никакой мистики. Просто они, вероятно, неизвестны по причине засекреченности и сложных особенностей психологии сталкеров. Он не признавал никакого «духа Зоны» – только дух естественной матушки-природы вокруг себя, которую «испоганили радиацией». Чернобыль для Бергамота был еще одним примером человеческой глупости и самонадеянности. Ярким показателем того, как люди создают что-то новое, чтобы заявить на весь мир о своей гениальности, а позже, если их изобретение вдруг ударяет по ним самим, пускаются в оправдания, отнекиваются от всех причин и последствий и готовы приплести мистику и высшие силы, чтобы скрыть собственное бессилие. Слабость, слабость и еще раз слабость. Как во внешнем мире слабые духом сетуют на жизнь, которая их в очередной раз обломала, так и здесь, за Барьером, продолжают кивать на Зону, якобы поглощающую волю всех, кто в ней находится.

Кроме того, Бергамот всегда приводил группу назад в полном составе. За несколько сотен ходок в Зону он не потерял ни одного человека. Это делало его бесценным проводником и отличным наставником для новичков, особенно молодых.

Новичкам в Зоне нужно учиться двум главным вещам: искусству выживания в условиях аномалий и боевой самозащите – соответственно, стажеры часто делились на «природных» и «боевых». Бергамот не принуждал никого осваивать оба навыка одновременно. Свою группу он всегда набирал лично. По обыкновению, в ее состав, кроме него самого, входили один «природный» стalker и один «боевой». «Природный» должен был искать безопасный путь наравне с ведущим, и в качестве тренировки Бергамот иногда пропускал его вперед, контролируя каждый шаг стажера. Для успешного прохождения теста новоявленный стalker должен был самостоятельно локализовать хотя бы одну аномалию, определить ее свойства, границы и окружить камнями, нарисованной мелом чертой или обозначить любым другим способом.

«Боевой» стажер не должен был заботиться об аномалиях, его цель – обеспечить защиту команды с помощью оружия. С автоматом в руках он обозревал окружающее. При появлении опасности вроде стада кабанов, стаи собак или банды мародеров «боевой» стажер без лишних слов открывал огонь. Для сдачи теста ему надо было по окончании ходки отчитаться о каждом потраченном патроне. Этот пункт добавили после того, как случаи ненужной стрельбы по шевелящимся кустам стали происходить все чаще.

Стажерам предписывалось брать на ходку только один автомат Калашникова, за которым Бергамот старательно ухаживал, и классический детектор аномалий без дополнительных наворотов вроде определителя оптимального пути. Да еще минимум защиты. Все.

Перед ходкой проводился инструктаж, на котором определялись цели вылазки и возможные опасности. В группу, если получалось, добавляли еще одного человека – замыкающего. Это мог быть только стalker, побывавший в ходках Бергамота и успешно прошедший оба теста. Его задачей являлся контроль территории позади команды. Исполнять приказы проводника он должен был наравне со стажерами.

После ходки Бергамот сдавал найденные артефакты перекупщику, половину вырученных денег оставлял себе, часть переходила к замыкающему, остальное делилось поровну между стажерами. Заканчивалось все совместной пьянкой.

Бергамот стал первым, кто придумал такую систему обучения выживанию в Зоне, и многие проводники тут же взяли ее на вооружение. Разумеется, тесты и их прохождение в сталкерских кругах имели чисто символическое значение, выражавшееся тем не менее во вполне реальных переменах в отношении к стажеру – более теплом приеме, росте доверия и тому подобном. Пройти тест предлагали не всем. Из тех, кому предлагали, любой мог отказаться без особых последствий и избрать путь одиночки. Если новичок хотел вступить в клан сталкеров, то прохождение тестов не давало никаких привилегий, однако отказ от них сводил его шансы до нуля.

Четверо сталкеров двигались друг за другом сквозь заросли. Ведущим был Бергамот. С болтом, который он перебирал пальцами одной руки, и ножом в другой, с автоматом за спиной, Бергамот зорко всматривался в любой подозрительный куст или камень в поисках любого из восьмидесяти известных ему признаков аномалий. Предостережение Мифуны было благополучно забыто – он сосредоточился на выполнении задачи. Проводник не имеет права отступить от того, чему сам обучает новичков.

Следом шел Марк, парень лет двадцати-тридцати. Более точно Бергамот сказать затруднялся, хотя обычно он угадывал возраст человека по многим внешним признакам. Понять характер стажера и его внутреннюю суть он также не сумел, отчего испытывал досаду. У Марка все показатели были настолько противоречивы, что это сбивало с толку. Немного мальчишеское лицо было прорезано суровыми складками мужчины в возрасте, ясный взгляд зачастую переходил в безжалостный, добрая улыбка то и дело исчезала – Марк стискивал зубы, а в глазах его загорался невиданный ранее огонь. Наверняка много боли было в душе у парня, и он с ней постоянно боролся. Плавные движения вдруг сменялись резкими. Казалось, Марк видит больше, чем Бергамот, хотя это было просто невозможно. Тем не менее с обязанностями «природного» стажера он справлялся отменно: локализовал целых три аномалии раньше Бергамота, одну из них – без применения детектора, с помощью болтов. Болты он бросал странно, вроде бы четким движением, но немного не в ту сторону, хотя это был не промах, а сознательное прицеливание. Впрочем, результатов это не меняло. Парень производил впечатление надежного напарника.

Третьим в группе двигался Орех. Это был неплохой сталкер, простой двадцатилетний паренек, уже прошедший с Бергамотом тест на «природного». Бергамот сильно подозревал, что Орех накинуд себе пару-тройку годков. Сейчас молодой сталкер исполнял обязанности «боевого» стажера и отчаянно стремился справиться с ними как можно лучше, так как хотел после ходки примкнуть к какому-нибудь из кланов. Орех избегал одиночества. Бергамот это одобрял: парень, уважающий клан и старших, далеко пойдет, если будет во всем стараться. Орех и старался, как мог: он извещал Бергамота о каждом движении на обозримом пространстве и держал автомат на изготовку. Бергамот не одергивал его, так как бодрые рапорты Ореха немного снимали напряжение, вызванное присутствием Марка.

Четвертым и последним членом команды, замыкающим, шел Пластун. Вечно угрюмый, он редко общался с другими и только бурчал что-то невнятное на все вопросы. За исключением, конечно, вопросов Бергамота. Приказы он выполнял быстро, но с видимой неохотой. Пластун, которому было лет сорок, уже больше года ходил по Зоне одиночкой, зарабатывая на жизнь дешевыми артефактами, пока окончательно не надоел бодрому торговцу Исидору своим унынием. После этого он решил обратиться к Бергамоту и хоть как-то поднять свой авторитет. Он побывал с Бергамотом на двух ходках, чуть ли не самых коротких у проводника за всю карьеру, во время которых ткнул пальцем на некоторые из уже известных постоянных аномалий. Стрелять же не довелось вообще. Бергамот поскрипел зубами, но тест принял. Сейчас Пластун скучающим взглядом обзирал окружающее, держа руку на кобуре с пистолетом «Форт-12». Бергамот не думал о Пластуне, зная, что это последняя с ним общая ходка. Кроме того, местность была безопасной, и он вполне доверял Ореху и собственному «калашу» за спиной.

«Калаш» Бергамота имел уникальную особенность: его детали располагались зеркально. Это случилось, когда Бергамот при одиночной вылазке попал в такую переделку, что автомат оказался безнадежно испорчен. После того как проводник выбросил его в ближайшую, окаймленную бурным мхом болотную лужу, раздался непонятный хлопок, и автомат вышвырнуло обратно. Он был совершенно новый, но зеркально отображенный. Бергамот, присвистнув, взял его в руки, перезарядил и сделал несколько выстрелов. «Калаш» работал просто превосходно. Привыкнув к левостороннему затвору, Бергамот привязался к своему обновленному

оружию, которое, как оказалось, вообще перестало заклинивать и ломаться. Благо конструкция по-прежнему позволяла пользоваться обычными магазинами. Исидор предлагал за него огромные деньги, но Бергамот отказался. Попытаться принести торговцу второй автомат, обработанный тем же способом, было бы глупостью – уникальные вещи тем и хороши, что их на массовое производство не поставишь.

Территория, через которую направлялись сталкеры, относилась к Рубежу – относительно безопасному участку на самом краю Зоны. К югу находился военный блокпост, приближаться к которому было опасно для жизни, так как можно было запросто нарваться на пулеметный огонь и выслушивать вопросы уже потом. Очень немного было сталкеров, которые могли пробраться к блокпосту и вернуться живыми и даже с рюкзаком, полным различного гражданского барахла, вымененного на найденные в Зоне артефакты.

С востока и запада Рубеж, равно как и сама Зона, был огражден бетонным Барьером с орудиями, растяжками, колючей проволокой, камерами наблюдения и часто сменяемыми часовыми. От блокпоста Барьер отличался только тем, что преодолеть его было нельзя. Такой вариант даже не рассматривался. Автоматические орудия на турелях с режимом опознавания «свой-чужой» после первого же неудачного прорыва мутантов были перестроены на тотальное истребление всего живого, без разбора происхождения. Потенциальный, хотя и маловероятный сбой техники должны были компенсировать человеческие глаза, руки и нервы. За ликвидацию прорыва полагалось множество всяческих наград и поощрений, но каждый военный, находящийся у Барьера, знал, что основной приз – собственная жизнь. Если прорыв остановить не удавалось, в дело вступали вертолеты, полностью выжигавшие квадрат вместе с оборонительными силами.

Попадающая под огневую мощь Барьера территория была отделена от Зоны по-детски выглядящим забором из проволочной сетки. Смехотворное и очень длинное сооружение оберегало сталкеров от зоны действия орудий. Перелезть через забор и даже подходить к нему вплотную было опасно – пространство между ним и Барьером было щедро усеяно различными осколками, противопехотными минами и артефактами, усиливающими радиацию. Поговаривали, что во всей Зоне не найти столько артефактов, и тут замешаны некоторые достижения ученых, по понятным причинам проявлявших к Зоне большой интерес.

Как бы то ни было, но многие новички недоумевали, глядя на проволочную сетку, окружающую Рубеж, однако штурмовать ее не решались, особенно узнав, в чем дело. Если же и попадались бреши в заборе, проделанные, например, кабанами или особо ретивыми сталкерами, то они быстро латались неизвестным никому способом, что порождало новую волну слухов и сплетен. Во всяком случае, после каждого радиоактивного Выплеска забор был снова на месте. Ветераны-сталкеры уверяли, что лично видели, как проволочный забор выдерживает артиллерийский удар, хотя в иных случаях его можно было спокойно продырявить кусачками.

Группа Бергамота направлялась на обычную охоту за артефактами. Пробираясь вдоль забора, сталкеры оказались вдали от людных мест. Бергамот рассчитывал обойти таким образом весь Рубеж и вернуться к исходной точке поздно вечером. Это был один из хорошо известных ему маршрутов.

Стоял как раз один из тех дней, когда Бергамот чувствовал усталость, которую никому никогда не показывал. Все чаще стали одолевать незнакомые ранее мысли. На смену азарту исследователя пришли головная боль и повышенное давление. Бергамот знал, что с возрастом не поспоришь, а вылазки в Зону требовали все большего оправдания, чтобы их продолжать. Пожилой проводник с каждой ходкой понимал, что все сильнее устает от Зоны, и подумывал о возможной смене приоритетов. На крайний случай с Исидором можно бы договориться и об экстрадиции за пределы Барьера. Так сказать, за заслуги перед сталкерским обществом. Поселиться в любой из заброшенных деревень, уже частично обжитых бывшими сталкерами.

Рассказывать молодняку разные истории в обмен на сто грамм. А там, глядишь, и задуматься о тех, кого знал до Зоны. Что ему в этой жизни терять?

– Стоп, – тихо сказал Марк.

Бергамот остановился и на всякий случай прислушался внимательнее. Не может быть, чтобы он чего-то не заметил. Проводник часто мысленно беседовал на ходу сам с собой, но это делалось на уровне подсознания, в то время как сам он был предельно сосредоточен на Зоне. Не успел он и рта раскрыть, как стажер бесцеремонно взял его за плечо, чуть отодвинул и кинул болт метров на пять вперед.

Раздался громкий треск, и болт улетел куда-то в сторону. Бергамот застыл на месте.

– «Трамплин», – пояснил Марк. – В связке с «поролоном».

– Какой еще «поролон», черт побери? – спросил Бергамот, вглядываясь вперед и чувствуя, как к горлу подкатывает ледяной ком. – И где ты «трамплин» нарыл? Да ты от радиации перегрелся!

Быть такого не могло, чтобы он, ветеран Зоны, не заметил двух аномалий сразу. Детектор также хранил спокойствие.

– Не верь всему, что видишь, – сказал Марк. – Есть же куча других признаков. Горло не холодит, например?

Орех и Пластун выглядели озадаченными. Бергамот прислушался к себе и понял, что стажер прав. Внутри словно застрял кусок льда. Сам он только один раз подходил близко к аномалии «поролон» и очень хорошо помнил ощущение буквально стынущей в жилах крови. Но «поролон» – это снежный трехметровый вихрь, его видят как глаза, так и датчики. Тут должно быть другое объяснение.

– Все просто, – сказал Марк, слегка присев и медленно обводя кусты взглядом. – Вблизи других аномалий «поролон» становится невидимым. А вместе с ним и соседние ловушки. И для глаз, и для детекторов.

Бергамот не нашел, что ответить. Подобное объяснение он слышал впервые. Но не было повода сомневаться в словах стажера – ведь тот обнаружил невидимый «трамплин», хотя и непонятно, как ему это удалось. Внимательно осмотрев заросли с места, проводник ничего не обнаружил. Поймав взгляды Ореха и Пластуна, Бергамот увидел в них недоверие.

Старый проводник растерялся. Рушились все его представления о Зоне.

– Лады, «трамплин» мы засеки, допустим. С «поролоном» что будем решать? – спросил Бергамот, переборов гордость.

– Ничего. Разве что сунуться в «трамплин».

– Не катит, – усмехнулся Бергамот. – Думаю, желающих полетать здесь немного. Будем бросать болты.

Он сунул руку в мешочек с болтами. Марк тут же ее перехватил, к чему-то прислушиваясь и даже не глядя на Бергамота, что окончательно разозлило проводника.

– Послушай, ты, – вспыхнул он, но Марк его прервал:

– У твоего «поролон» от трех до шести вихревых центров. Он исчезнет лишь при поражении каждого из них. Кинешь болт неправильно – и он срикошетит тебе в глаз.

– Откуда ты все это знаешь?! – громко спросил Бергамот.

Орех с Пластуном напряглись. Марк повернул голову и взглянул на них через плечо.

Раздался громкий визг, и Орех моментально вздернул «калаш». Пластун, медленно вытаскивая пистолет, отошел в сторону. Из кустов показалась морда, похожая на кошачью. Мгновение – и существо, размером не больше кошки, мощным прыжком перелетело на ветку, издав повторный визг.

Бергамот, не сводя глаз с создания, осторожно снял с плеча автомат.

– Монстера, – пробормотал он.

Марк плавно поднялся:

– Слишком маленькая.

– Плодятся, твари, – сказал Бергамот.

Впервые в жизни он встретился с маленькой монстерой, а до этого даже не был точно уверен в их существовании. Встреча с большой наверняка была бы для него последней. Хотя и маленькую не стоило недооценивать. Тем более что мать могла бродить поблизости.

– Стреляем сразу после меня, – отдал приказ Бергамот и взял монстеру на прицел.

Издали донесся такой же визг, отчего Орех подскочил на месте и взволнованно выдохнул. Вторая монстера, тоже маленькая, появилась с другой стороны и ощерилась.

Пластун, отходивший спиной назад, внезапно остановился – третья монстера смотрела на него с дерева, вцепившись когтями в ствол на уровне его головы.

Некоторое время никто не шевелился.

– Не стрелять, если не нападут, – сказал Бергамот еле слышно. Три монстеры. Две невидимые аномалии. Кажется, отработал свое. Прощайте, сталкеры. Вечная память всем нам.

Первая монстера подняла хвост, и Орех, словно вспомнив из прочитанной в детстве книги, что у хищников это знак атаки, выстрелил ей в голову. Монстера, избежав пули, моментально перепрыгнула на другое дерево, две ее подруги скрылись. Этого хватило, чтобы Бергамот быстрым движением сорвал висящий на спине автомат, снял его с предохранителя и расстрелял первую тварь, предугадав направление ее следующего прыжка. Монстера с визгом свалилась на землю и исчезла в кустах.

Марк за это время успел забраться на дерево. Бергамот никак не отреагировал – странностей у стажера, по-видимому, хватало с избытком. Выбросив Марка из головы, он перезарядил автомат. Орех собрался последовать его примеру, но занервничал, и сделать это быстро ему не удалось.

– Не торопись! – рявкнул Бергамот.

Остальные монстеры вылетели из зарослей и впились проводнику зубами в обе ноги.

Бергамот с громким криком упал и принялся кататься по земле. Хотя он был стреляным воробьем и даже знал по себе, что такое пуля в кости, все равно те ощущения не шли ни в какое сравнение с нечеловеческой болью, которую доставили зубы порождений Зоны. Орех, всхлипывая, перезаряжал автомат трясушимися руками. Пластун, вскинув «Форт», принялся палить по монстерам. Обе получили по несколько пуль, прежде чем отцепились от проводника, и Бергамот с удивлением обнаружил, что боль полностью стихла.

Одна монстера прыгнула ему на грудь, и он машинально заслонился стволом автомата, принявшего на себя зубы хищника. На мгновение мелькнули безумные глаза живучего создания, и Бергамот с яростным воплем отбросил его от себя.

Другая монстера пронеслась мимо ошарашенного Ореха, которому удалось, наконец, вставить новый магазин, и зацепила в прыжке Пластуну. Сделав два шага назад, он вскрикнул, и за его спиной проявился таинственный «поролон».

Вихреподобная белоснежная аномалия, разметав на части рюкзак, отбросила Пластуну на несколько метров в сторону. Всплеснув руками, сталкер свалился на зеленую траву.

В следующую секунду Бергамот увидел зрелище, которое запомнил до конца дней.

С тихим шорохом сверху спрыгнул Марк. Изящно повернувшись к аномалии, он выбросил руки вперед. Из его ладоней, под разными углами и с разной скоростью, вылетело шесть болтов. Каждый из них попал в намеченное желтоватое пятно – а их тоже было шесть, – беспорядочно блуждающее по аномалии. Снежный ветер мигом собрался в шар, который стал уменьшаться, и секунды за три сжался в точку, после чего взорвался мириадами безвредных ледяных осколков.

На месте «поролон» осталось только легкое облако, неслышно метнувшееся над травой в поисках добычи. Ближе всего оказалась зацепившая Пластуну монстера, которая с шипением попятилась назад, но было поздно: облако коснулось ее, моментально обволокло и сжало до

размеров апельсина. Раздался дикий хрип, и тело монстры вместе с облаком трансформировалось в сине-голубой шар.

Монстера, попробовавшая на вкус ствол автомата Бергамота, прижалась к земле, глядя на Марка. Бергамот сразу понял, что случилось с ее подругой. Артефакты – это чаще всего результат взаимодействия аномалий с живыми телами, после чего не остается ни того, ни другого, лишь непонятные предметы, обладающие неизвестными свойствами. Стажер разрядил «поролон» так, как и объяснял: атакой сразу на шесть вихревых центров. После чего остаточное облако аномалии поглотило монстру, преобразовавшись в артефакт... Но, черт побери, он сделал это не пулями, а болтами!

«Монстры на Рубеже! – мысли в голове задыхающегося Бергамота метались, словно сталкеры в момент Выплеска на открытой местности. – Три мелкие особи сразу! Сталкер, воюющий с аномалиями с помощью болтов! Какая, к чертям собачьим, оценка ситуации?! Зона... Зона!»

Марк медленно наклонился и поднял пистолет Пластуна, который тот выронил, когда проявился «поролон». Артефакт «поролона» лежал перед ним. Монстера пристально смотрела на Марка, не двигаясь с места. Орех держал ее под прицелом, не решаясь стрелять. Он был слишком потрясен всем происходящим. Смертью замыкающего, серьезным ранением Бергамота, тем, что монстры оказались на Рубеже, чего еще никогда не случалось. И, конечно же, поведением второго стажера. Кроме того, все знали, что монстру не убить с помощью пятишести пуль. Нужно минимум несколько магазинов, чтобы уничтожить наверняка. Значит, и самая первая особь, ускользнувшая в кусты, где-то рядом и усиленно регенерирует.

Игра в гляделки продолжалась недолго. Монстера прыгнула на Марка. И «природный» стажер снова дал повод для легенд, рано или поздно оседающих в памяти матерых сталкеров как былины Зоны, что передают за бутылкой водки в сталкерских барах. Марк пнул ногой артефакт в сторону монстры, вскинул «Форт» и выстрелил один раз.

Пуля прошла сквозь летящий артефакт, разнеся его на части, попала твари в голову – и монстру постигла та же участь. Кровавые брызги и ошметки тела так и не долетели до пораженного Бергамота, испарившись в воздухе. Проводник почувствовал, как его на мгновение объяло невыносимым жаром, и с проклятием отвернулся.

Бросившись вперед, Марк молниеносным движением выхватил автомат у Ореха и расстрелял ту монстру, что появилась из лесу первой. Выстрелы взметнули ее в воздух и измолодили с головы до хвоста. С громким воем монстера упала в «трамплин», который моментально разрядился, выбросив тело за забор.

На Барьере с жужжанием развернулись автоматические орудия. Серия залпов сотрясла воздух, разорвав монстру на клочки. Несомненно, с ней было покончено.

Наступила тишина.

Орех, прислонившийся спиной к толстому стволу, обалдело осел на землю и вытаращился на Марка. Бергамот хотел подняться, но, выругавшись, оставил эту попытку – прокушенные ноги надолго вывели его из строя.

Марк сделал глубокий вдох-выдох. Затем вернул Ореху автомат и подтащил к парню Бергамота. После чего поднял пистолет и вынул магазин.

– Надо же, одна пуля оставалась, – произнес он и оглядел команду. – Все целы?

Бергамот и Орех смотрели на него как на героя комиксов. Марк немного смутился, подошел к телу Пластуна и махнул рукой:

– Орех, сюда! Он жив!

– Иди, – толкнул Ореха Бергамот, и молодой сталкер подбежал к Марку.

– Как жив? – спросил он.

– Очевидно, рюкзак принял на себя основную энергию аномалии, – пояснил Марк, осматривая Пластуна и нащупывая пульс. – Думаю, он может выжить, если поскорее оказать ему помощь.

– Ты сможешь?

– Не знаю. Я не врач.

– Подтащите меня к нему, – громко велел Бергамот.

Марк и Орех подошли к проводнику, но тот сумел встать самостоятельно, держась за ветки. Кое-как доковыляв с помощью стажеров до замыкающего, Бергамот упал возле него, обливаясь потом.

– Мой рюкзак, – сказал он. – Принесите его.

Скоро вся группа сидела рядом на траве. Бергамот умело перебинтовал Пластуну грудную клетку, принявшую удар монстры и пострадавшую при падении сталкера на землю. Затем извлек из кармана рюкзака военную аптечку и занялся своими ногами. Укусы были неглубокие, а концентрация яда у маленьких монстер не превышала уровня, который можно снять инъекцией лекарства.

– У меня, дружок, к тебе два вопроса. Как ты убил монстру одним выстрелом? – спросил он, закончив с процедурами и глотнув из фляги.

– Дело в том артефакте, – пояснил Марк. – «Поролон-экстра». Так я его называю. Активная часть аномалии «поролон».

– И что он делает? – спросил Орех.

– Единственное его свойство, известное мне, – это многократное ускорение всего, что через него проходит. В данном случае это была пуля из пистолета. Ускоренная в сотни раз, она получила энергию, которая позволила ей разнести монстру сильнее, чем из миномета. Остаток энергии испарил части тела вместе с самой пулей.

Бергамот хмыкнул, обдумывая услышанное.

– Ну, ладно. Тогда второй вопрос. Тот самый, на который ты не успел ответить. Откуда ты все это знаешь? Откуда ты вообще взялся?

Бергамот смотрел пристально, но Марк выдержал его взгляд.

– У меня было время исследовать Зону и выработать тактику поведения, – ответил он.

– Похоже на то, – произнес Бергамот задумчиво. – Раз так, то тактику ответов на подобные вопросы ты тоже продумал, верно?

Марк ничего не ответил и поднялся на ноги.

– Скоро стемнеет, – сказал он. – Нам нужно возвращаться.

Он вопросительно взглянул на Бергамота, но тот лишь горько усмехнулся:

– Ты видишь, в каком я состоянии, супермен? Теперь ты ведущий. Ты и приказы отдаешь. Но знай, мне ты ничего не должен. За братву всегда отвечаю я.

– Я понимаю, – кивнул Марк, глядя в глаза проводнику. – Орех, я буду поддерживать Бергамота. Ты понесешь Пластуна. Справишься?

– Да, да, я справлюсь, – торопливо ответил Орех и бережно взвалил на плечи еще не пришедшего в себя Пластуна. Потом подхватил автомат и рюкзак. Ему было тяжело, но он держался.

– Отлично, – сказал Марк, надев оба оставшихся рюкзака, Бергамота и свой собственный. Затем сунул «Форт-12» в карман и набросил ремень левостороннего «калаша» на плечо.

– Ну, давай, сталкер, – подбодрил он Бергамота, и тот расхохотался во всю мощь своих могучих легких.

Старый проводник смеялся, не стесняясь слез. Он точно знал, что это была его последняя ходка. И что бы ни случилось, его репутация осталась на высоте. Он не потерял за всю жизнь ни одного человека из своей группы. А последней вылазкой, быть может, дал Зоне нового проводника – умного и бесстрашного.

– Двигаем в бар, – сказал ветеран Зоны и успокоился, чувствуя себя счастливым.

Напряжение полностью спало. Сталкеры осторожно направились к самому близкому убежищу. К бару «Рубеж».

Спустя некоторое время Марк почувствовал на себе чей-то взгляд. Он оглянулся и увидел вдали что-то темное. Взяв одной рукой бинокль и поддерживая другой Бергамота, он поднес оптику к глазам и вздрогнул.

Неподалеку от места битвы сидела огромная монстера. Ее ненавидящий взгляд был направлен точно на Марка.

Глава 2

Бар «Рубеж»

Утро следующего дня ознаменовалось ясной погодой. Хотя погодные условия в Зоне несколько не зависели от остального мира и все окружающее в ней воспринималось иначе, четвертое марта словно пробило брешь в ее невидимом коконе, подарив необычайно красивое небо и яркое солнце. Листья деревьев, отчаянно противостоящих мутации, то и дело поворачивались параллельно солнечным лучам, пропуская их к почве, чтобы потом снова скрыть ее от взоров небесного светила. Прячущийся в кустах кабан сидел и смотрел на облака, вопреки распространенному мнению, что глядеть вверх ему не положено. Дохлый чернобыльский пес, учуяв кабана, глухо зарычал, но нападать не стал – в одиночку это было опасно, а всю его стаю уничтожили сталкеры. Нужно было затаиться и ждать, пока мимо не пройдет новая стая, и попробовать прибиться к ней.

Со стороны блокпоста подул ветер, принося с собой листву и обрывки солдатских разговоров. Но для условно дохлого пса это ничего не значило, хотя он и обладал пси-способностями, превышающими человеческие, и мог бы при желании в общих чертах понять, о чем идет речь. Важнее всего был запах соевой колбасы, который на таком расстоянии не уловила бы и самая обученная нормальная собака. Взмахнув искривленным хвостом, дохлый пес решил и потрусил к блокпосту с твердым намерением раздобыть пищу или погибнуть в борьбе. Другого способа жизни он не знал и не имел желания выдумать себе новый.

С зеленой ветки, соседствовавшей с почерневшими, сорвалась необыкновенно красивая бабочка и полетела на север. Радиация, выкидывающая нелепые шутки с природой, в этом случае сотворила непревзойденный шедевр красоты и чистоты генов. Шансы найти себе подобную у бабочки были ничтожно малы, однако поиск стоил того, чтобы потратить на него свою короткую жизнь и попытаться создать новый биологический вид.

Два одиноких дерева стояли вдали друг от друга. Никто из проходящих между ними существ не знал, что эта пара соединена системой прочных корней, протянувшихся на глубине в десятки метров. И что каждый из этих представителей растительности Зоны внимательно впитывал все звуки в радиусе сорока шагов и передавал собрату, предупреждая обо всех событиях, за которыми шла опасность. И сидели вокруг каждого из них стада кабанов, внимательно слушая, что им говорит дерево, запоминая, где идет опасный зверь вроде человека. И всем было невдомек, что деревья взращивают новое поколение подземных собратьев, скромно выглядывающих наружу, – маленькие кустики, которые в моменты опасности попросту скрываются в земле.

Зона жила своей жизнью, борясь за существование с помощью всех своих воспитанников. Тысячелетиями сформированные законы, по которым развивалась природа, внезапно допустили брешь в системе, когда один из ее винтиков – человек – забыл свою роль в общем движении. Так родился Чернобыль. Обе аварии, 1986 и 2006 годов, сделали свое дело. Зона унаследовала от природы стремление к выживанию любой ценой. Теперь с этим ответвлением в мировой эволюции боролись те, кто его и породил. Люди. А может, виноваты были вовсе и не люди. Никому неизвестно.

Большинство сталкеров в этот день находилось в баре «Рубеж», располагавшемся в подвале под развалинами АТП «Вагонстрой». Бар охранялся кланом «Небеса». На всей территории были расставлены часовые. У входа в подвал стояли два боевика клана, чьей обязанностью было не допускать в бар сталкеров с оружием. Вся амуниция сдавалась невзрачному оружейнику по кличке Лапша, суетливому парню, который никогда никому не смотрел в глаза. Он был человеком Исидора, местного торговца.

Исидор по праву являлся главной персоной в баре, да и в южной части Зоны вообще. Добродушный круглоголовый толстяк с пышными усами постоянно сидел в самой охраняемой комнате подвала, за которой находился склад. Торговец являлся связующим звеном между обитателями Рубежа и внешним миром, поддерживая шаткие отношения с военными Барьера. Личности его основных клиентов были скрыты за семью печатями. Исидор скупал все найденные в Зоне артефакты и боевые трофеи, пользуясь очень гибкой системой расценок. У него всегда можно было разжиться аптечками, патронами, стволами, батарейками, а также устно подписаться на оказание специфических услуг за отдельное вознаграждение, используя собственные таланты, в основном из сферы тихого устранения неугодных. Подобные слухи широкого распространения не имели, хотя этому немного и способствовала местная сивуха. Но все, разумеется, понимали, что на практически самой военизированной территории мира порядки установлены соответствующие. Было фактом, что конкуренты Исидора на Рубеже долго живыми по Зоне не ходят. Тем не менее торговец неизменно встречал каждого, кто заходил к нему «по делу», широкой улыбкой Деда Мороза.

В большом подвальном зале стояли обшарпанные разномастные столики. На стенах висели плакаты и неизвестно каким образом сохранившийся потрепанный календарь на 1986 год. За наспех сколоченной стойкой восседал бармен Шпиль, бритоголовый, долговязый и худой кришнаит, умудрившийся приплести собственные убеждения к миру Зоны. Клиентов он обслуживал с вечно удивленным лицом, поскольку считал, что такое выражение должно придать его облику некую одухотворенность. Впрочем, действительно придавало.

Меню большим разнообразием не отличалось, равно как и постоянством: консервы, баночная тушенка, невесть откуда взявшийся хлеб не старше двух дней, обязательная водка и напитки попроще, продовольственные пайки по персональным заказам, которые Шпиль умело упаковывал в оберточную бумагу. В иной день в баре можно было даже поесть горячей, только что поджаренной картошки с дурмящим запахом курятины, исходящим от разогретого око-рочка. Исидор знал, как поддержать репутацию заведения, заодно срубив немалое количество «капусты».

Народу, как всегда, было полно. За столиком в углу расположились четверо сталкеров из клана «Ранг» – строгой и серьезной полувоенной организации, ставившей своей целью защиту мира от Зоны и поддержание порядка в ее пределах. Если Зону условно считать государством, а сталкеров гражданами, то «ранговцы» были ее армией, милицией и службой безопасности одновременно.

Другой столик, ближе ко входу, занимали два ветерана Зоны, а рядом сидели и стояли человек шесть помоложе. Звали ветеранов Труба и Плотник. Попивая оплаченное новичками пиво, Труба довольно побрякивал и горделиво и снисходительно поглядывал на своих спонсоров, а Плотник вдоволь разглагольствовал о Зоне. Темы были обычные: Барьер, Заслон, Пьедестал.

– Неужели никому не удалось проникнуть через Заслон? – взволнованно спросил молодой парень, держа новенький рюкзак обеими руками.

– Никому из обычных людей, мальш, – ответил Плотник, заговорщицки улыбаясь уголком рта. – Дерзай, и, возможно, ты станешь первым.

– Значит, кто-то все же проходил? – спросил «мальш».

– А черт его знает, что представляет собой Заслон и откуда он взялся, – сказал Плотник. Одной рукой он затушил окурочек в консервной банке, служившей пепельницей, а в другой уже держал новую сигарету, которую тут же прикурил от поспешно поднесенной одним из слушателей зажигалки. – Представь такую темную и огромную стену в Ржавом лесу, закрывающую проход в глубь Зоны. Вертолеты через Заслон не летают. Пройти сквозь него на ту сторону невозможно – он хоть и похож на стену из дыма, но плотный, как сундук на чердаке твоей

бабушки. Зато оттуда пробраться можно спокойно. Откуда, по-твоему, все эти твари берутся? Из-за Заслона.

– И вы там были? – спросил другой новичок.

– А как же, – ответил Плотник, выпуская кольца дыма. – Был, стоял рядом и даже трогал стволом «винтореза». Жаль, выковырнуть кирпичик не получилось. Подарил бы тебе, как напоминание о вреде курения.

Новички заржали. Сталкер средних лет в сером плаще, сидевший у стойки и аккуратно прихлебывавший кофе из небольшой чашки, посмотрел на Плотника и одобрительно покивал головой. Затем уставился куда-то перед собой и тяжело вздохнул.

– Домой хочу, – сказал он.

Эти слова услышал Орех, который тоже расположился у стойки и к тому времени уже порядком захмелел. Рядом с ним сидели двое сталкеров: проводник Мифуна и Дубарь, клановец из «Небес».

– А чем Зона не дом? – спросил Орех с задором.

Сталкер подернул плечом, но ничего не ответил.

– Хорош пить, – сказал Мифуна. – Ты мне лучше о новичке еще раз расскажи.

– Блин, я тебе уже три раза на пальцах растолковал! – воскликнул Орех. – Если что непонятно или не веришь, спроси сам у Бергамота, когда он ходить сможет.

– Долго ждать придется. А к нему, сам знаешь, Исидор не пустит.

– То-то и оно, – покивал Орех. – Ты, это... Купи мне фисташек, может, я и повторю.

– Какие, на хрен, фисташки, придурок! – в сердцах выпалил проводник, забирая у Ореха стакан. – Ты в Зоне, не забыл?! Или не допер, что тогда случилось?

– Что случилось? – переспросил раскрасневшийся Орех. – Марк спас нас всех. Давай лучше за него выпьем. Шпиль! – он щелкнул пальцами. – Налей мне еще. Дубарь оплатит.

Дубарь пнул его ногой, и Орех скривился от боли. Мифуна шепотом выругался и подался к Ореху.

– Теперь послушай меня, пацан, – сказал он жестко. – Твой Марк вытащил твою задницу, я понимаю. Для тебя он герой. Вот только я про него могу тебе совсем другое рассказать.

– А че такое?

– А то, что твой новый друг на самом деле полный идиот, которому, ясное дело, сильно везет, как и всем ему подобным. А твой рассказ про него, как про героя, с моим мнением, понимаешь ли, не очень вяжется. Или я перестал разбираться в людях, пусть меня Зона съест.

– Это почему же? – недовольно спросил Орех.

Мифуна немного отодвинулся от него.

– А ну-ка, скажи мне, что ты знал о Марке до ходки, – потребовал он.

– Ничего, – помотал головой Орех.

– А я знал. И был уверен, что он провалит первый же тест. Сталкер Марк ничем не отличался от всех самоуверенных придурков, которые приходят в Зону, чтобы склеить ласты в первый же день. Поверь мне, пацан, я знаю этот взгляд у молодых бакланов.

– Но Марк не погиб, – заметил Орех. Уважение к проводнику, ветерану Зоны, немного отрезвило его.

– Нет, не погиб, – согласился Мифуна. – Вот это меня истораживает. Хотя ведет себя так, что должен был отдать концы сразу же. Сталкер Марк пришел всего неделю назад, насколько я помню. И сразу же отказал Исидору в просьбе найти хвост черноволка.

– Ну и правильно сделал! – воскликнул Орех. – Я бы тоже не пошел в одиночку на черноволка. Но...

До Ореха, наконец, дошло. Репутация в Зоне значит много, и нужно ее зарабатывать сразу же. Нельзя отказывать торговцу в первой просьбе. Любой, кто шел в Зону, знал об этом от посредников, которые переводили желающих за Барьер особыми методами и за большие

деньги. Инструктаж был коротким, но емким. Вряд ли Исидор действительно хотел отправить новичка на верную смерть, дав задание отыскать волчий хвост. Марку следовало просто согласиться и тут же услышать, что никуда идти не нужно и что он отличный парень, раз не испугался в первый же час помочь торговцу, рискуя жизнью в битве с опасным мутантом. Или же проявить сообразительность и отыскать нужный предмет другими путями. Купить, украсть, обменять. Наконец, сколотить команду и пойти на черноволка в группе.

Мифуна правильно понял, почему изменилось выражение лица Ореха, и хлопнул того по плечу:

– И это только начало. Спустя сутки он притащил Исидору «Ночной Лик», и объяснил, что это вроде как его извинение за отказ от задания, полученного накануне.

– Где можно на Рубеже достать «Ночной Лик»? – спросил Орех, внутренне сжимаясь. Возможность найти один из самых дорогостоящих артефактов в месте, где они находятся просто не могут, была, в его понимании, за пределами не только реальности, но и фантастики.

– Вот это уже другой вопрос, на который ни я, ни Исидор не сумели найти ответа. На Рубеже нет аномалий «молнияра», стало быть, получить «Ночной Лик» невозможно. Кроме того, я знаю точно, что сталкер Марк все это время не покидал пределов Рубежа. Купить тоже не получилось бы – денег у него столько быть не могло.

– Исидор ничего у него не спросил?

– Исидор обычно не задает вопросов. Но тут не утерпел и задал.

– А что Марк?

Мифуна цокнул языком:

– Облом тут вышел. Подловить сталкера Марка на каких-то секретах не удалось. Он сказал, что наткнулся на «молнияру» в доме на южном хуторе.

– Какой-то из заброшенных домов?

– Точно. Исидор не поверил и послал Шахматиста сходить с новичком и посмотреть. Шахматист хоть и туп как пробка, но никогда не лжет. Так вот, он сходил и посмотрел.

– И что? – спросил Орех с нетерпением.

– Разряженная «молнияра» в самом деле была на хуторе.

Орех присвистнул.

– Как новичок обнаружил «молнияру» и как она появилась в здешних краях, не знаю, – сказал Мифуна. – Я уже молчу о том, что только одна «молнияра» из ста может теоретически дать «Ночной Лик».

– Мне бы его везение, – пробормотал Орех. Иметь артефакт, повышающий выносливость до бесконечности, было его мечтой.

– Везение... – повторил за ним Мифуна. – После этого сталкер Марк стал себя вести так же, как и все остальные. Бергамот предупреждениям не внял, хотя и говорил я ему – не бери ты новичка в группу, плохо кончится.

– Тогда бы все мы полегли, – сказал Орех.

И тут же ухватился за только что родившуюся мысль:

– И те монстры еще сколько наших бы убили! Да если бы Марк не расправился с ними, все те салабоны, что торчат возле Трубы и Плотника, уже лежали бы в могилах! То, что от них осталось бы...

– Ты и сам вчера салабоном был, – осклабился Мифуна. – Скажи спасибо Бергамоту, что, как только Марк втащил его к Исидору, он первым делом распорядился утвердить тебе и твоему новому другу пройденное испытание.

– Я же запарол оружейный тест, – смущенно сказал Орех.

– Ну, уж не знаю, что ты там делал, но таково слово Бергамота. Ты же на «природного» сдал уже, верно?

– Верно.

– Значит, считай, что полностью прошел крещение Зоной.

Орех посидел неподвижно, затем расправил плечи и шумно, с облегчением вздохнул. Дубарь покосился на него с уважением.

– Но-но, не расслабляйся, парень, – вкрадчиво прошелестел Мифуна. – Я еще не закончил рассказывать. Ну, допустим, что монстры появились на Рубеже случайно и что сталкер Марк не имеет к этому отношения...

– Что?! – взвился Орех.

– Тише ты, тише! – осадил его Мифуна. – Вспомни «молнияру», которая появилась, как только пришел сталкер Марк. Тоже совпадение?

– Совпадение! – горячо ответил Орех. – Если Зона меняется, то не фиг переключивать это на героев!

– Да я бы и не сказал, что он прямо уж герой, – Мифуна скорчил непонятную гримасу. – Борланд в одиночку пришиб бы трех маленьких монстер, думаю. Или Клык. Хотя я никогда не видел маленьких монстер, но Бергамоту я верю. Шпиль, сообрази мне чаю.

Высокий бармен с лучезарной улыбкой приступил к исполнению.

– Так что меня чуть кольнула вся эта история, – продолжил Мифуна. – И я навел кое-какие справки. Угадай с трех раз, что сталкер Марк протащил с собой в Зону, когда пришел?

– Понятия не имею, – мрачно ответил Орех, поигрывая пустым стаканом.

– Рюкзак, полный разного таинственного барахла. Ты знаешь по себе, что новичков не досматривают при переброске в Зону, но, на всякий пожарный, незаметно проверяют скрытыми приборчиками. Так вот, рюкзак сталкера Марка дико фонил радиацией, разными излучениями, магнитным полем и всем остальным, названий чему я не знаю. Электроника у ребят сразу же медным тазом накрылась, но говорить новичку они ничего не стали – как-никак, есть распорядок, а атомную бомбу он на горбу все равно не протащит. И кто его знает, что он припер в этом рюкзаке. Так выглядело, будто рюкзак под завязку незранированными артефактами набит.

– Чу-умаа, – протянул Дубарь, впервые за все время подав голос.

– Ясное дело, артефактов у него не было и быть не могло, – продолжил Мифуна, словно не замечая выражения лица Ореха. – Но то, что он пронес какую-то научную хрень, – сто процентов. Причем безопасную для него самого. И сразу же после его появления на Рубеже содержимое рюкзака куда-то исчезло. Дальше-то он ходил налегке, как обычный салага. И это еще не все. Догадайся, что еще было у него, кроме рюкзака?

Орех молча пожал плечами.

– Сталкер Марк приволок с собой гитару.

Дубарь прыснул и отвернулся. Орех начал постукивать по стакану ногтем. Его настроение слегка ухудшилось.

– Вот и делай выводы, – изрек Мифуна и глотнул чаю, который поднес ему Шпиль.

История начинала пахнуть жареным. Орех знал, что гитары в Зоне водились. Насколько он помнил, целых девять штук. Две из них были в баре «Сто град» ближе к северу Зоны, еще три у кланов и четыре у разных одиночек, о чем ему поведал пьяный Труба. С инструментом сталкеры расслаблялись, и на душе у других было спокойнее, если рядом слышалось невнятное брэнчание в сопровождении хриплого голоса гитариста, поющего песню о нелегкой жизни.

Но этим делом сталкеры занимались исключительно в проверенных и безопасных местах и компаниях. Потому что Зона – это вам не пикник на обочине. Тот, кто не понимал разницы, попросту не жил более суток. Одно дело любить гитару, и совсем другое – переть ее в Зону. Из тех, кто являлся сюда с гитарой, не выжил ни один. Добровольцы проводили расследование. Ни один. Из-за того, что изначально настроились на неверное восприятие окружающей действительности.

А гитары остались и перешли в собственность более мудрых сталкеров, которые хранили инструменты как символ уюта и единства. Так что Орех не чувствовал никакого восторга от того, что Марк тоже явился в Зону с гитарой на плече, словно выбрался из города в поход. История же с таинственным рюкзаком показалась ему сущей мистикой.

– Я... я не знаю... Должно быть какое-то объяснение, – пробормотал он, и Мифуна, к его удивлению, резко кивнул и с живостью сказал:

– Конечно, должно! Потому что сталкера Марка не видели с гитарой ни разу с тех пор, как он припер ее на Рубеж! Но я точно знаю, что он с ней пришел! Исчезла, как и шмотки в его рюкзаке!

– Может, разбил где-то, мало ли...

– Все может быть. Может, и в рюкзаке у него была какая-нибудь безобидная современная электронная хреновина. Я тебе о другом толкую – о самом факте, что он пришел в Зону, как к себе на дачу. И что пока ему просто во всем везет. Ты не такой, как он, ты серьезный сталкер, я это сразу вижу. Но мой тебе совет, Орех: бросай ты этого приятеля, пока не разделил его участь. Поверь старому проводнику, я разбираюсь в людях.

Мифуна умолк и начал пить чай большими глотками. Одиноким сталкер в сером плаще, сидящий с чашкой кофе за стойкой поодаль от него, уже давно прислушивался к их разговору.

– Возможно, сталкер Марк в настоящее время как раз дома, – выдал он фразу дня.

– Не лезь, Сенатор, – отмахнулся Мифуна. – Только не сейчас.

– Дом там, где твое сердце...

Орех обдумывал услышанное от Мифуны. Смех и шуточки, доносящиеся от стола Плотника, он уже не воспринимал. Ничего особенного вроде ему проводник и не рассказал – так, мелочи одни. Только мелочей было уж очень много. В самом деле, что он, Орех, знает о Марке? Да ничего. Но не Мифуна стоял с ним, Орехом, рядом на том месте. Не он находил аномалии раньше Бергамота, и не он рисковал собой ради спасения всех. А ценить оказанную помощь Орех умел.

– Вот что, Мифуна, – твердо сказал он. – Я тебя уважаю, но, как ты сказал, я прошел крещение Зоной. Я тоже так считаю. Но не потому, что сдал тесты Бергамоту. А потому, что своими глазами видел, как другой человек дал мне пример того, каким я сам хотел бы быть. И понял я это только в Зоне. И если Марк захочет, чтобы я ему в чем-то помогал, я буду только рад. А теперь я иду искать арты, и не останавливай меня. Будь здоров, Дубарь.

Орех слез со стула и пошел к выходу.

Мифуна покивал, прислушиваясь к своим мыслям, и лукаво улыбнулся.

– Молодец, сталкер, – сказал он вслух.

Почти сразу вслед за Орехом ушел и Дубарь. Мифуна продолжал сидеть боком к стойке, обводя взглядом посетителей и слушая чужие разговоры.

В бар вошли Ханта и Варяг, одиночки, обитающие преимущественно на Мусорке – скоплении радиоактивного мусора. Они пожали руки Трубе и Плотнику, кивнули сидящим в углу «ранговцам» и приняли из рук Шпиля кружки с пивом.

– Как оно, Мифуна? – спросил Ханта, стаскивая сталкерскую куртку.

– Живой, как видишь, – ответил проводник. – Зона меня хранит, чтобы было кому о вас, молодых, позаботиться.

Жизненная философия Мифуны сильно отличалась от убеждений Бергамота.

– Не сильно-то ты заботишься, – поддел его Ханта. – Вон, Варяг час назад чуть в «карусели» не загнулся.

– Так мне что, за вами как за детьми малыми ходить?

– Думал, все, каюк, – приглушенно сказал Варяг, залпом опустошив кружку. – Встрял по-тупому. Расслабился раньше времени.

– Зато сейчас как раз самое время, – утешил его Ханта, подсовывая Варягу под нос новую кружку. – Тут все свои, не бойсь.

– А ты чего напарника не прикрыл? – сурово спросил Мифуна.

– Так я занят был, слепых собак отстреливал! Хорошо, что все обошлось. Направились мы дальше, уже и до Рубежа добрались. И топает нам навстречу какой-то чушпан. С пистолетом одним, а нормального ствола у него, видно, не было. Подходит к нам и начинает что-то спрашивать. Ну, я ему говорю: «Оружие убрал, а то разговора не получится!» Он пистолет спрятал и начинает молотить какую-то чушь про то, какими новостями мы с ним поделиться можем. Я ему и объяснил в трех словах, куда ему нужно идти.

– Что ж так грубо? – зыркнул на Ханту Мифуна.

– Да не, я в буквальном смысле. Ну, там, рассказал ему коротко, куда сейчас на Мусорке лучше не соваться. А он кивнул и попер как раз туда, куда я ему не советовал. Ну, думаю, не моя проблема. А как до бара дошел, так меня словно ударило: на парня-то детектор аномалий ругался.

Мифуна поднял брови:

– Да?

– Я тебе отвечаю. Он у меня перенастроенный, очень чувствительный, в Зоне он всегда на аномалии за сто шагов пищит. Ну, да я внимания не обращаю, пока в самом деле что-то серьезное не попадет. А перед тем как чушпана того встретить, мы на перекур остановились – Варяга «каруселью» слегка контузило, он попросил посидеть чуток. Ну, и по сигаретке перекурили. И когда чушпан ушел, мы еще сидели минутку, пока дальше не пошли. Блуждающих аномалий рядом стопудово не было. Значит, детектор на чушпана и ругался.

– Монстр, точно говорю, – постановил Плотник.

– Я тоже так думаю. Только Варяг тогда мало что соображал, а я как-то внимания не обратил, что ли... А потом успокоился – чушпан двинул в сторону Борланда, мы его там раньше видели. А Борланд его встретит как надо, можно не волноваться.

– Чего это Борланд торчит на Мусорке? – спросил Плотник.

– Да мы не спрашивали. – Ханта допил пиво. – Вот... Сдали мы, значит, хабар Исидору, и сюда, здоровье поправлять.

– Здоровье поправлять дело нужное, – подмигнул Плотник. – Эй, ребятня! Быстро скинулись Ханте на пиво!

Молодые сталкеры у его стола мгновенно бросились исполнять приказ. Они уже знали, что подобные истории дают информацию, помогающую самому главному в Зоне – выживанию.

– Да нет, не монстр это был, – пробормотал Мифуна себе под нос.

Глава 3

Борланд

Небо постепенно заволочилось мрачными, не предвещающими ничего доброго тучами. Вся живность Зоны забилась по укромным местам, словно предстоял Выплеск. Но занявший позицию на куче железного хлама Борланд знал точно: Выплеска не будет. Равно как и радиоактивного дождя, несмотря на тучи. Хотя почувствовать на лице капли самого настоящего, животворного ливня он бы не отказался. Однако природа не баловала Зону обычным весенним дождем, посылая с ветром и градом одни только испытания для человеческих нервов.

Мимо груды промышленного мусора, на которой лежал Борланд, невозможно было даже пройти, не рискуя подхватить лучевую болезнь. Если, конечно, не облачиться в защитный костюм экологов, обосновавшихся вокруг озера Смоль. Борланд знал это и именно потому выбрал такое место для снайперской позиции. Здесь его никто искать не будет. Чтобы расположиться в этой точке Мусорки, ему пришлось неделю, с помощью известных ему одному психологических и физических тренировок и особых препаратов, приводить организм в состояние готовности к повышенному облучению. Да и сейчас у него на поясе висело пять артефактов «Пламенный Обруч», принявших на себя большую часть вредоносных излучений окружающей среды. Борланд знал, что даже при таких защитных мерах ему нужно срочно покинуть это место через двадцать минут, двенадцать из которых уже прошли. А заодно навсегда оставить дорогостоящий «Винторез» и все снаряжение, которое будет излучать радиоактивный фон не хуже, чем все железки на этой куче.

На все это пришлось пойти ради простой, но важной цели – сделать один выстрел. Мишень уже должна была появиться в пределах видимости. Лидер сразу трех мародерских группировок, Лаваш, терроризировал со своими людьми всю Мусорку набегами из Серой долины. Две группы «ранговцев» не вернулись после рейда в долину, когда пытались убить Лаваша. Это был один из немногих боссов, державший собственных пешек на поводке слепой веры в свое могущество, которое постоянно укреплял деньгами, оружием и системой изощренных наказаний.

Борланд не принадлежал ни к «Рангу», ни к какому-либо другому клану. Но стоило ему вызваться добровольно на эту миссию, как «Ранг» тут же снарядил его кучей защитного и боевого оборудования.

Причины, по которым Борланд решил убрать Лаваша, лежали на поверхности. Личная и общественная безопасность. Мусорка являлась южным центром Зоны, который нельзя было отдавать никакой группировке, если переговоры с ней не представлялись возможными. Такова же была и одна из ключевых позиций клана «Ранг», но Борланд отказывался жить по какому-либо уставу. Хотя в «Ранге» он стал бы одним из первых людей.

И все же «ранговцы» оказали ему дополнительное содействие, организовав аварию одного из своих джипов у входа в Серую долину. Транспорт в Зоне был на вес артефактов, пусть и не очень дорогих. Цель того стоила. Перевернув джип с переодетыми телами бандитов и взорвав его, «ранговцы» ушли. Любая огневая страховка Борланда исключалась. Лаваш лично прибудет на место крушения ценного транспорта, это очевидно. Но перед этим его шестерки проведут прочесывание всех точек, где возможна засада.

За исключением точки Борланда.

Тринадцать минут.

Лаваш не появлялся.

Для помощи артефактам в их целебных волнах требовалось максимальное расслабление. Борланд знал, что Лаваша он все равно не пропустит. Сталкер прикрыл глаза и позволил себе отключиться от действительности.

В барах и группировках про него ходили легенды как про сталкера, не уступающего в профессионализме таинственному Пророку. Борланд не просто выпутывался живым и практически невредимым из любой передраги. Он неоднократно спасал жизнь другим сталкерам и справлялся с заданиями, считавшимися невыполнимыми, иногда орудуя при этом совершенно немыслимыми методами. Везение, которое ему часто приписывали, было лишь результатом хорошо просчитанных действий, в которых вероятность успеха была выше, чем поражения.

И тем не менее зачастую ему действительно везло. Однажды Борланд попытался пробраться сквозь Заслон. Его мысли часто занимала эта неведомая дымчатая стена. В результате он решил ни много ни мало обстрелять ее из стомиллиметровки, установленной на модифицированном бронетранспортере, и посмотреть, что случится. Была и проблема: Борланд не имел бронетранспортера. Ни модифицированного, способного переждать Выплеск, ни какого-либо другого. Поэтому сталкер просто выкрал его у военных во время зачистки одной из секций Барьера. Произошло это во время набега черноволков. Тогда Борланд здорово помог немного струхнувшим военным, которые до этого черноволков видели только на фотографиях, во время теоретических занятий в учебке. Он метким выстрелом из трофейного «Энфилда» убил вожака стаи. К счастью, собак вел не деструктор. Затем, распугав стаю серией прицельных выстрелов, он как бы невзначай оказался рядом с ранеными бойцами и кинул каждому по аптечке, совершенно им ненужной, но в момент опасности воспринятой на ура. И лишь после этого командир операции почувствовал: что-то не так. Не обращая внимания на трехэтажный мат, Борланд с риском нарваться на пулю подкрался к урчащему бронетранспортеру и, выбросив перепуганного солдата, проехал на броневику по волкам. Он руководствовался простым психологическим правилом: если спасти человеку жизнь, то на некоторое время повергнешь его в ступор, да и стрелять в тебя он точно не будет. Пока военные пытались совместить в голове неожиданную помощь с наглым угоном военной машины, сталкер исчез. Все оказалось слишком невероятным и, следовательно, вполне нормальным для Борланда.

Можно было и не спрашивать, как Борланду удалось скрыться на бронетранспортере, не оставив следов, и оказаться с ним у Заслона, находящегося через пол-Зоны от места прорыва. Если бы кто-то узнал, что в процессе сложнейшей переброски транспортера на территорию Ржавого леса Борланду удалось проехать часть пути вообще за пределами Барьера, то последовала бы череда громких арестов и смещений в воинской среде. Но, к счастью для самих военных, никто не связал воедино два остановленных прорыва, между которыми спокойно прокатился бронетранспортер, примкнувший к колонне себе подобных.

Какой была реакция оператора, засекшего спустя несколько дней выстрелы с украденного броневика возле Заслона в Ржавом лесу, осталось тайной. Вероятно, он сделал то, что и любой другой на его месте: похолодел, съежился и выпал в осадок. После чего получил от начальства по ушам собственными же наушниками. Так как Борланду хватило трех минут, чтобы убедиться в бесполезности артиллерийской атаки Заслона и уехать обратно на Полигон, что автоматически делало показания оператора ложными. На всякий случай Борланд вышел с ним на связь по найденной на листке блокнота частоте ровно на полторы секунды и передал в эфир что-то типа «Гы-гы-гы!»», после чего оператор наверняка слег с приступом мигрени.

Атаку на Заслон Борланд предпринял опять-таки в самое сумасшедшее для Зоны время: прямо перед Выплеском. Когда вся фауна Зоны замирает, а люди в спешке укрываются в подвалах и норах. Никто не знает, что происходит в моменты Выплеска и что такое, собственно, вообще Выплеск, но ничто не выживало в это время на открытой местности. БТР был вполне сносным убежищем, так что Борланд без тени волнения проехал через Ржавый лес, не встретив ни единой живой души.

На обратном пути его ждало удивительное зрелище. У холма истерично молотил руками в запертую металлическую дверь какой-то парень. Раньше эту дверь Борланд здесь не замечал. Выплеск к тому времени еще не начался. Борланд сразу сообразил, в чем дело. Ему повезло найти старательно замаскированный бункер, которых в Зоне было множество. Одного из обитателей бункера, очевидно, оставили умирать под Выплеском за какие-нибудь нарушения. А может, просто так. Борланду это было неважно, однако смотреть спокойно на подобное он не мог. К тому же жертва могла рассказать об этом убежище подробнее. Не выходя из броневика, Борланд посигналил.

Гудок у БТР был похлеще, чем у паровоза. Если бункер служил убежищем от Выплеска, то он должен быть герметичным и звуконепроницаемым, так что сигнал услышать не могли. Парень в ужасе подскочил и устался на бронетранспортер. Борланд понял, что никакой опасности он не представляет, и открыл люк. Гость мигом запрыгнул внутрь и сжался на сиденье. Но стоило Борланду задраить люк снова, как гость, явно движимый мстостью, бабахнул осколочно-фугасным снарядом из орудия, установленного на крыше транспортера, прямо по двери бункера. Борланд мигом успокоил его хорошим ударом в челюсть, а затем взглянул на экран прямого обзора. Металлическая дверь выдержала. Едва лишь Борланд отъехал от этого места, как она открылась и оттуда показалась чья-то недовольная морда.

Борланд резко остановил броневик. Человек, выбравшийся из бункера, с изумлением уставился на него, и тут, наконец, произошел Выплеск. Со стороны Заслона пронеслось нечто, напоминавшее взрывную волну. Человек упал как подкошенный. Дверь бункера, ясное дело, никто задраить не успел, так что можно было не сомневаться: все внутри погибли или превратились во что-то очень неприятное.

Борланд поскорее убрался подальше на Полигон. Он сумел восстановить простую цепочку событий. Сам он пережил Выплеск под землей, как и все остальные, и знал, что предугадать его с точностью до секунды невозможно. Так что обитатели бункера, скорее всего, спутали выстрел из бронетранспортера с Выплеском. Симптомы должны были быть очень похожими: глухой удар наверху и легкое сотрясение земли. Решив, что опасность миновала, из бункера решили выйти, и всех накрыло настоящим Выплеском.

Доехав до базы «Ранга», Борланд подарил им пленника и ненужный больше броневик. Пленник был совсем не против сдать своих бывших товарищей, которые оставили его умирать снаружи, и охотно поделился с «ранговцами» информацией.

Бункер являлся одной из дислокаций самой отвратительной группировки – «Прахи». «Праховцы» без разбора убивали вольных сталкеров, как из-за хабара, так и ради удовольствия. Они не шли ни в какое сравнение с мародерами Лаваша, у которых была хоть какая-то позиция в жизни. Пленник клялся, что он всего лишь одиночный сталкер, захваченный «праховцами». Лгал, разумеется. Как бы то ни было, «ранговцы» отпустили его на все четыре стороны: если даже он и был одним из «праховцев», то путь к своим все равно ему заказан, а Зона сама разберется, сколько он проживет. Глядишь, и перевоспитается.

Зато Совет Кланов выразил Борланду признательность за уничтожение одной из баз группировки «Прахи». «Ранговцы» оттарабанили БТР к Барьеру, где его и нашли ничего не понимающие военные. А Борланд навсегда стал живой легендой Зоны. Целый ряд дальнейших поступков сталкера лишь укрепил его репутацию. Если бы он сам участвовал в распространении всех правдивых слухов о себе, то их оказалось бы столько, что хватило бы на новый культ.

Он так и не определился, считать ли тот случай везением или успехом. В конце концов, что такое успех? Если один сидит на берегу и ждет, когда море выбросит ему рыбу, а другой вооружается острогой и часами стоит по колено в воде, высматривая добычу, – то можно ли сказать, что оба они могут рассчитывать только на везение? Нет. Второй поймает рыбу исключительно благодаря тому, что он не сидит сложа руки. Вот это и есть настоящий успех. Везение в данном случае стало итогом отличной подготовки и движения вперед. Важно не то, что Бор-

ланд набрел на базу «Праха», не рассчитывая ее обнаружить. Важно то, что никто другой не был в то время в Ржавом лесу на открытой местности, движимый духом исследователя. Другие зарылись под землю из-за страха перед Выплеском.

Четырнадцать минут.

Лежащий на Мусорке Борланд открыл глаза. Он умел настраивать себя на определенную продолжительность отдыха. Минуты воспоминаний хватило, чтобы артефакты поработали чуть качественнее. Лаваш все не появлялся. Был как раз тот момент, когда другие обычно закуривают, только Борланд не курил.

Вопреки ходившим по Зоне слухам Борланд не был военным, хотя и прошел службу в армии наравне с другими. Не был он и ученым. Борланд был тридцатидвухлетним профессиональным автогонщиком. Лишившись возможности заниматься любимым делом из-за бардака в стране, коснувшегося и спорта тоже, Борланд начал искать себе новое место в жизни. И очень скоро понял, что найдет его только в Зоне. Все его таланты нашли здесь самое широкое применение: точность глаза и руки, идеальная физическая форма, холодная голова и горячее сердце. Борланд умел просчитывать ситуацию на лету. У него было безупречное чувство времени и расстояния. В Зоне он не встретил для себя ничего принципиально нового – все то же самое, что и за Барьером, только быстрее, выше и сильнее. А если карты лягут так, что понадобится выбраться отсюда – он найдет способ сделать и это.

Пятнадцать минут.

Борланд начал чувствовать себя как перед гонкой. Внутри словно закрутился невидимый маховик, и он глубоко вздохнул, морально настраиваясь на провал операции. Вовсе не обязательно было торчать здесь полные двадцать минут.

Каждый, кто приходил попытать счастья в Зоне, так или иначе раскрывал свою внутреннюю суть. Зачастую она была неизвестна даже ему самому. Городские обыватели, дальнобойщики, бывшие или сбежавшие заключенные колоний, экстремалы, военные дезертиры, авантюристы, искатели приключений, идеалисты – в Зоне встречались все категории населения. Только здесь большинство из них понимало, какой путь им по душе. В книжном ботанике просыпалась жажда убийства и мести за отсутствие внимания со стороны девчонок. Карманный вор внезапно раскрывал в себе опытного исследователя и помогал ученым на озере Смоль добывать образцы птиц и животных. Что бы ни говорили, Зона не меняла человека, а наоборот, раскрывала его так, как только возможно. Может быть, это и было основной причиной, по которой Зона приманивала все больше и больше людей. И не все становились сталкерами – многие не выдерживали постоянного напряжения, непрерывной опасности, страха и отвращения перед мутантами. Борланд сам видел издали, как трое молодых парней погибли от дохлой собаки, хотя и были превосходно вооружены. Но никакое оружие не спасет, если голова не способна думать. Их рассудок просто не воспринял отсутствия у псиноподобной твари органов зрения. Полностью растерявшись, они не сумели скоординироваться и упустили драгоценные секунды. Собака перегрызла горло всем троим по очереди.

Сталкеры, которые не были против такой реальности, но не признавали суровых порядков Зоны и права других сталкеров на жизнь, присоединялись к клану «Праха». Каждый из них до этого успевал натворить столько, что его ждала пуля в голову от любого сталкера или смертная казнь за пределами Зоны. «Праховцы» бороздили всю Зону, иногда даже осмеливаясь штурмовать лагеря ученых. Бороться с ними было очень сложно: члены клана не имели никаких опознавательных знаков, старательно прятались ото всех и часто выдавали себя за одиночек, когда нужно было сбыть или обменять хабар.

Мужики постарше и попроще, которые не собирали артефакты, но были не прочь поживиться боевыми и съестными припасами, быстро сбились в группировку мародеров. От «праховцев» они все же очень сильно отличались: ходили в одних и тех же черных защитных куртках, ни от кого не прятались в пределах контролируемой территории, особо не кочевали, не

заходили дальше Мусорки, не стремились разбогатеть за счет артефактов и вообще ничего от этой жизни не хотели. По большому счету, это было общество ищущих убежища уголовников.

Самым влиятельным кланом был, несомненно, «Ранг». Туда шли крепкие, дисциплинированные парни, которые считали своей задачей очищение Зоны от всякой заразы вроде мутантов и беспредельщиков. Были и другие, малочисленные кланы, каждый из которых представлял собой группу людей со сходными убеждениями. Например, охранники Рубежа, клан «Небеса» – преимущественно молодняк, работавший на Исидора в обмен на низкие цены и отсутствие внимания со стороны военных. За пределами Рубежа клан не имел ни малейшего авторитета. Или анархисты из «Победы», клан бывших одиночек, которые не представляли никакой угрозы, если их не трогать, – те верили, что весь мир обязан знать и помнить о Зоне.

О группировке «Пьедестал» и думать не хотелось. Это были настоящие звери, религиозные фанатики Ржавого леса, поклонявшиеся таинственному Пьедесталу – куску неземной породы, который, по их мнению, породил Зону и находился возле ЧАЭС. Полная чушь, конечно.

Шестнадцать минут.

Вдалеке возникло какое-то движение, Борланд приложился к винтовке и увидел сквозь перекрестье прицела пешую группу мародеров. Наконец-то.

Бандиты в черных куртках с наброшенными капюшонами двигались к горящему джипу. Каждый был с автоматом; кто-то нес оружие в руках, у кого-то оно висело за спиной. Настоящие стервятники Зоны, ставшие во много раз опаснее из-за четкой организации, введенной умелыми лидерами.

Вопрос был в том, как выделить Лаваша. Борланд располагал только его фотографией, сделанной издали. Куда больше ему говорили рассказы сталкеров, давшие полный психологический портрет главаря, который, несомненно, проявит себя и с физической стороны.

Борланд не ошибся. Мародеры расположились вокруг джипа, и в круг вошел широкоплечий человек, на ходу снимая капюшон. К нему подбежал один из мародеров. Присев на одно колено, он поцеловал поданную руку и принялся что-то объяснять. Отношение, мягко говоря, для южной Зоны не совсем типичное.

Не было никаких причин медлить. Борланд мягко нажал на спуск, и голова Лаваша дернулась. Лидер мародеров упал навзничь. Его помощники бросились на землю.

Убедившись, что его никто не засек, Борланд оставил винтовку, быстро отполз назад и помчался с холма вниз, подальше от радиоактивного хлама, расстегивая на ходу куртку. Неподалеку он заранее устроил схрон со сменной одеждой и обувью. Там же находился неплохой набор сталкерского оснащения: усиленный за счет кевларовых пластин прорезиненный комбинезон, нож, пистолет «Вальтер Р-99» с двумя магазинами, «Абакан» с подствольником и рюкзак с детектором аномалий, биноклем, едой и аптечками.

Борланду хватило минуты, чтобы облачиться во все новое и спрятать насыщенную радиацией одежду. Артефакты он отстегнул от пояса и, заэкранировав, сунул в рюкзак, так как «Пламенные Обручи» в борьбе с облучением ускоряли обмен веществ, что приводило к быстрой усталости. Таскать их на поясе больше не было необходимости.

Снарядившись и бросив в рот две таблетки от облучения, Борланд, не торопясь, пошел на Рубеж. Он знал, что разведчики «Ранга» доложат начальству о смерти Лаваша. Уже на следующий день начнется зачистка Серой долины от мародеров. Истребить всех, конечно, не получится. Но навести порядок все же не мешало. А пока нужно было уходить отсюда.

Со стороны мародеров послышались какие-то звуки, в которых Борланд почти тут же распознал шум двигателей. Сталкер замер, прислушиваясь, и в один момент оценил степень опасности. Результаты ему настолько не понравились, что он бросился к оврагу, скатился туда и затаился в обрезке гигантской трубы.

Клан «Воины Зоны». Элита мародеров, организованная Лавашем. Особенность их состояла в том, что каждый «воин», байкер по духу, имел легкий мотоцикл и презирал опасности. «Ранг» так и не сумел выяснить, откуда в Зоне мотоциклы, но тут явно не обошлось без контакта мародеров с военными. Ходили слухи, что Лаваш подсадил всех «воинов» на наркоту, что позволяло им носиться по Зоне на мотоциклах, не боясь влететь в аномалию. Вооруженные автоматами «Узи», они могли одержать верх над небольшой группой сталкеров. Клан мотоциклистов стал настоящим проклятием Зоны, досаждая одиночкам Мусорки и Серой долины. Хотя «Воины Зоны» выходили на охоту крайне редко, этого было достаточно, чтобы фактически закрепить Серую долину за мародерами. Вероятно, они держались поблизости, когда Лаваш с охраной направился к джипу, и теперь ищут убийцу.

Борланд всем телом вжался в бетон, чувствуя его холод. Позади него труба была забита землей, а под ногами застыла пленка илистой болотной жижи. Рядом виднелась мутная зеленая лужа, булькающая зловонными испарениями, хотя всей глубины там было от силы сантиметров двадцать. Это соседствовала с ним аномалия – шипящая субстанция, которую кто-то окрестил «студнем». Попавшее туда живое существо постепенно превращалось в дымящийся кусок обваренного мяса. И происходило это не сразу, а в течение нескольких часов. Жертва «студня» не чувствовала никакой боли, даже когда плоть начинала отваливаться от костей. Особо догадливые продавали аномальную субстанцию ученым, перенося его в стеклянных банках. До тех пор, пока в рюкзаке одного из сталкеров из-за случайного выстрела не разбилась банка, полная этой дряни...

Один из мотоциклистов остановился над трубой, где притаился Борланд, и сталкер, сконцентрировавшись, мысленно велел тому уезжать. Он не считал себя телепатом, но верил, что любой мысленный посыл так или иначе улавливается человеком, к которому направлен, и есть шанс, что такой посыл может повлиять на ситуацию. Мотоциклист, газанув, поехал дальше вдоль оврага. Предварительно бросив наугад гранату.

Борланд заметил ее и в душе похвалил «воина».

Что тут сказать, сталкер? Вчера ты нашел базу «праховцев», потому что ты искал. Пусть не ее, но искал. А сегодня «воин Зоны» нашел тебя. Тоже потому, что искал. Правила жизни одинаковы для всех.

Рванувшись вперед, Борланд одним махом выскочил из трубы и распластался за ее стенкой. Взрыв сотряс почву и осыпал его комьями земли. Сверху раздались выстрелы.

Да хранит вас Зона, «Воины Зоны»...

Борланд схватил «Абакан» и открыл ответный огонь наугад, но не попал. Было слышно, как «воин», еще раз поддав газу, умчался прочь.

Борланд чертыхнулся. Положение было хуже некуда. Он намеревался добраться до Рубежа раньше, чем мародеры найдут его, и там залечь на дно. Теперь его засекли «воины» на быстрых мотоциклах, а спрятаться негде, ни здесь, ни на равнине. Самым важным сейчас было выбраться из оврага, где его могут запросто забросать гранатами. Но куда? Наверху он будет доступен для обстрела практически из любого места. Рассчитывать можно только на одно – что «воины» не изменят своим привычкам и отъедут за холм для перегруппировки. «Воины» никогда не импровизировали, в отличие от Борланда. Каждый их заезд был четко выверен. Если им не удавалось сразу обезвредить противников, они никогда не оглядывались, а ехали до ближайшего безопасного места и совершали разворот для второго захода.

Это давало Борланду несколько драгоценных секунд. Отталкиваясь ногами и цепляясь руками за корни, он выбрался наверх. Хотя вдали, за холмом, раздавались выстрелы – наверняка шестерки Лаваша сейчас бегут сюда, – вокруг не было ни души. Но сталкер понимал, что это ненадолго. Со скоростью спринтера он побежал по прямой в сторону Рубежа. До ближайшего укрытия было слишком далеко, и он это знал. Но шанс состоял в том, что «Воины Зоны» захотят взять его живым, если он не окажет сопротивления.

Вот только как раз его Борланд оказать и собирался.

Позади него взревели моторы, и Борланд прибавил ходу. Артефакты вроде «Ночного Лица» сейчас недурно бы помогли. Когда мотоциклы приблизились, Борланд остановился, словно совершенно выбился из сил, повернулся и поднял «Абакан» над головой. А затем демонстративно отбросил в сторону.

«Воинов» было двое, на мощных мотоциклах, марку которых не распознал даже Борланд из-за сильно измененного внешнего вида и кучи тюнингованного железа. Они были одеты в мародерские куртки. Было бы очень кстати прочесть их намерения по глазам, но Борланд не имел такой возможности, потому что мотоциклетные шлемы полностью закрывали головы «воинов». Они остановились в десяти метрах от него и нацелили стволы «Узи».

– Бензин!!! – заорал Борланд, сделав страшные глаза, и бросился на землю.

Шлемы «воинов» чуть качнулись – очевидно, мотоциклисты машинально взглянули на бензобаки.

«Ни хрена они не сидят на наркоте, – подумал Борланд. – Нормальные, здравомыслящие парни. Хорошие наездники. Может, даже семьи у них есть...»

Выхватывать пистолет Борланд умел не хуже Клинта Иствуда. Одна пуля досталась первому «воину», две второму, еще две – снова первому. А потом пистолет заклинило.

«Нет, ну ты только посмотри!»

Первый «воин», которому одна из пуль угодила в шею, захрипел и упал замертво. Второму обе пули достались в грудь. Он зашатался, выронил «Узи», но с мотоцикла не свалился.

«Бронежилет», – понял Борланд.

Пружинисто вскочив, он бросился к «воину» и сбил его в прыжке ногой, как в какой-то старой компьютерной игре.

Секунда – и в руке Борланда оказался нож. Сталкер мгновенно оборвал жизнь мародера.

Очистить нож, воткнув его в землю, отправить в ножны, схватить «Узи», сорвать с трупа запасные магазины – еще три секунды.

Борланд оседлал мотоцикл со все еще работающим мотором и помчался дальше к Рубежу. Он знал, что до безопасной точки ехать не больше минуты. Мародеры на Рубеж не суются. Слишком уж много там вольных сталкеров и боевиков из клана «Небеса». Да и не любят мародеры рисковать без самой крайней надобности.

Стрельба за холмом продолжалась, но ближе не становилась – похоже, шестерки Лаваша даже не думали преследовать его. Объяснение пришло в тот момент, когда к треску мародерских «калашей» добавились выстрелы штурмовых «Гроз». Борланд даже позволил себе широкую ухмылку. Похоже, что «ранговцы» все же решили прикрыть его хотя бы от пеших мародеров, заметив атаку «Воинов Зоны» и догадавшись, что их благодетелю Борланду в одиночку придется совсем туго. В «Ранге» щедро благодарят за помощь.

Его настроение стремительно поднималось. Неплохой призыв, нужно будет предложить его «ранговцам» для пропаганды.

Борланд проезжал узкий участок между двумя холмами, когда слева и справа раздался треск двигателей. С обеих сторон на холмы взлетело по два мотоциклиста. Четверо «Воинов Зоны», всадников Апокалипсиса, пролетели над Борландом, осыпав его градом пуль, которые почти достигли цели. Почти, но все же не достигли. Стреляли на упреждение, пули разрывали землю, помечая смертельную линию фонтанами почвы, которые рисовали в голове Борланда оптимальную траекторию. Достойное испытание для достойного гонщика. Дернуться с мотоциклом в одну сторону, тут же переместить вес тела в другую, несколько раз сбросить и прибавить скорость, и все за считанные секунды – обычный человек успел бы допустить несколько десятков ошибок, каждая из которых оказалась бы роковой. Но обычный человек не проходит серию жестких тренировок с участием мотоциклов и спорткаров, не участвует в стритрейсинге

на улицах ночного города по встречной полосе, не гоняет на мотоцикле в полночь по степям с выключенными фарами.

И не попадает под обстрел четырех стволов одновременно.

Свист пуль прекратился. Борланд выиграл второй заезд. Времени на третий у «воинов» не осталось, подумал он почти злорадно.

Злорадство было преждевременным. Мягко приземлившись, «Воины Зоны» сразу же развернулись и помчались в погоню. Об этом красноречиво свидетельствовали звуки нарастающих оборотов двигателей. Проклиная железного коня за отсутствие зеркала заднего вида, Борланд рискнул слегка притормозить и на миг обернуться через плечо. «Воины» были метрах в тридцати сзади. Слишком много для стрельбы с одной руки в движении, но чем черт не шутит. В четыре ствола запросто могут и положить.

Одиноким шлагбаум, служащий границей между Мусоркой и Рубежом, уже виднелся вдаль, когда на дороге возник небольшой вихрь из зеленой листвы. Новая аномалия с присущим Зоне коварством появилась на этом месте всего час назад, поскольку Борланд утром ее не видел. Будь он пешком и без хвоста за спиной, запросто обошел бы по десятиметровой дуге, и дело с концом. Мог бы обнаружить и сейчас, будь аномалия взрослой и побольше. Теперь же он заметил ее слишком поздно. Борланд приготовился резко повернуть влево, хоть это и было чревато падением с мотоцикла, но почувствовал сильный удар в спину. В обычных условиях пуля из «Узи» способна прошить человека навывлет, но между летящей смертью и телом сталкера были рюкзак и укрепленный комбинезон.

И все же толчок немного ошеломил сталкера. Борланд пропустил момент для относительно безопасного объезда аномалии, и ему ничего не оставалось, кроме как вывернуть вправо, прямо на пологий холм, за которым находилось кладбище автомобилей.

Взлетая по склону, Борланд увидел, как прямо перед ним вырастает старая, проржавевшая сторожевая вышка. Она стояла по ту сторону холма, у въезда на кладбище. Будь траектория движения чуть иной, можно было бы приземлиться на тропинку, протоптанную между остовами грузовиков, доехать до противоположного конца кладбища и там, бросив мотоцикл, перелезть через забор и скрыться. Но вышка рушила все планы сталкера, которых оставалось не так уж и много в запасе. С криком досады выпустив руль, Борланд пролетел по воздуху и врезался в перила вышки, ударившись щекой так, что чуть не вылетела челюсть. Мотоцикл проскочил дальше и упал на бок, взьерошив мелкие камни и перекувырнувшись несколько раз.

Вися на одной руке, Борланд развернулся лицом к преследователям. «Узи» все еще болтался у него на шее, так что оставалось только пустить его в ход. Лишь один из «воинов» последовал за Борландом, выбрав куда более безопасную траекторию. Хотя ему это не помогло. Нажав на спусковой крючок, Борланд всадил с десяток пуль в шлем летящего мародера, после чего быстро подтянулся и всем телом перевалился за перила вышки.

Уткнувшись лицом в металл, он позволил себе на пять секунд полностью расслабиться. Ему это было нужно. Он слышал, как убитый им «воин» ударился о землю, как взревели моторы мотоциклов трех оставшихся элитных мародеров. Сейчас они наверняка кружат под вышкой, вырабатывая план действий. Времени и возможностей у них на это было гораздо больше, чем у него самого.

Моторы заглохли, и наступила тишина.

Положение было незавидным. Он явно застрял на вышке. До земли было метров десять, не меньше. Лестница на столбе давно отломалась, оставив торчать острые ржавые куски металла с пятнами облупившейся краски, так что спуститься было проблематично. Может, Борланд и нашел бы способ, если бы снизу на него не смотрели три автоматных дула.

Пять секунд прошло. Борланд по очереди пошевелил всеми мышцами и убедился, что у него ничего не сломано. Затем стал аккуратно менять позу, и как раз вовремя. Снизу вжикнула пуля, заставив Борланда машинально отдернуть руку. Будь у «Воинов Зоны» автоматы посе-

рьезнее, вроде местных разновидностей АКМ, то приключения можно было бы считать законченными. Но пули из «Узи» не могли пробить металлический пол вышки. Борланд быстро сел на рюкзак и согнулся.

Положение его на первый взгляд казалось безвыходным. На второй тоже, то есть безвыходным вообще. Ни с кем связаться и попросить помощи Борланд не мог. Да и никто из вольных сталкеров не сунется на Мусорку во время рейдов «Воинов Зоны». Граната сейчас пришлась бы очень даже кстати, но гранат не было. Только «Узи», в который Борланд быстро вставил магазин, снятый с тела убитого ранее мародера. Отстрелянный магазин он чуть было не кинул вниз – пусть решат, что это граната, – но передумал. Ничего он этим не выиграет.

Можно броситься вниз с криком: «Я Черный Плащ!» – сделав ставку на психическую атаку, и молиться, что падение будет стоить ему всего одной сломанной ноги, а не двух, и что комбинезон выдержит три выпущенные очереди в грудь и он успеет убить трех соперников за секунду. Борланд даже позволил себе улыбнуться, представив, как он летит с вышки на нацеленные на него стволы, оседая в памяти преследователей на долгие годы, являясь к ним в ночных кошмарах уже после того, как они его убьют.

Но могло быть и так, что мародеры спят как младенцы и никакие кошмары их не мучают. Да и помирать тоже не хотелось. Так что нужен был новый план. Единственное, что оставалось Борланду, это уповать на какой-нибудь из отрядов «Ранга», спешащий на выручку, если таковые были поблизости. Быть может, удастся обнаружить на горизонте хотя бы одного «ранговца», привлечь его внимание короткими очередями из «Узи», стреляя в его сторону, и надеяться, что он, вопреки уставу, не ляжет в засаде, а прибежит разобраться с мародерами и в одиночку расправится с тремя мобильными элитными бойцами. Два часа назад, находясь в своем убежище на Технопроме, Борланд врезал бы от души любому, кто предложил бы ему такой план. Здесь же, на вышке, под прицелами трех стервятников из Серой долины, этот план казался очень даже неплохим.

Бинокль находился в рюкзаке, на котором сидел Борланд, и для того, чтобы извлечь его оттуда, потребовалось бы достаточно много движений, любое из которых могло стоить сталкеру жизни. Поэтому он ограничился осмотром окружающей местности. И очень быстро нашел то, что искал.

Вдалеке, на пригорке, показалась чья-то фигура. Борланд не видел лица, закрытого капюшоном, но распознал распространенную куртку сталкера, из тех, что не давали вообще никакой боевой либо радиоактивной защиты и выполняли сугубо декоративную функцию. Вопреки мечте Борланда, пришелец не имел при себе ракетно-зенитного комплекса, так что при всем желании помочь сталкеру на вышке не мог. Впрочем, если допустить, что он дурак, то, вполне возможно, ему удастся отвлечь на себя внимание мародеров и дать Борланду шанс предпринять что-нибудь. Судя по тому, что внизу не стреляли, незнакомца еще не заметили. Зато Борланд был уверен, что незнакомец заметил их.

Человек остановился. Медленно сунул руку в карман и вытащил гранату. Борланду он уже начинал нравиться. Но то, что он сделал дальше, Борланд не понял. Пришелец достал из другого кармана что-то напоминающее кусок фольги, обвитой блестящей проволокой, и протолкнул туда гранату, как в тесто. Выдернув напоследок чеку, он размахнулся и бросил предмет к подножию вышки.

Мародеры издали приглушенные шлемами звуки, и кто-то попытался завести мотор мотоцикла. Борланд приготовился к взрыву, и через три секунды он произошел. Хотя совершенно не так, как сталкер предполагал. Если Борланд и представлял себе детонацию тонны тротила, то, судя по ощущениям, это была именно она. От невероятного грохота сталкер на несколько секунд оглох. В одно мгновение его опалило раскаленным воздухом, волосы на голове встали дыбом, вышку тряхнуло, как при хорошем землетрясении, и Борланда подбро-

сило на метр. Затем по очереди прогремели пять взрывов поменьше – это взорвались бензобаки всех мотоциклов, находящихся внизу.

Когда все стихло, Борланд взглянул вниз, протирая глаза.

Пожухлая трава на кладбище автомобилей выгорела полностью. Остовы машин, выдержавшие до этого множество Выплесков, спокойно перенесли взрыв. Чего нельзя было сказать о «Воинах Зоны», чьи тела в нелепых позах распластались внизу.

Незнакомец медленно подошел к вышке. Оказалось, что за плечами у него плотно набитый рюкзак. Похоже, собственная граната не причинила ему никаких повреждений. Он снял капюшон и посмотрел на порядком потрепанного, оцарапанного и перепачканного Борланда.

У незнакомца был необыкновенно ясный, не замутненный пагубными пристрастиями взгляд уверенного в себе мужчины. Хотя он был явно младше Борланда.

– Все нормально? – спросил незнакомец.

– Вполне, – ответил Борланд. – Кто ты?

– Меня зовут Марк, – просто ответил пришелец.

– Очень приятно. Борланд.

– Сам спустишься? – спросил спаситель.

– А есть альтернатива? – хохотнул Борланд и тут же услышал звук новых мотоциклов.

Проклятие! Неужели эти гады никогда не закончатся?! Незнакомец, назвавшийся Марком, тоже услышал звук и быстро зашагал в центр кладбища автомобилей. Борланд обратил внимание на то, что на нем не было никакого оружия.

– Эй! – позвал он, стаскивая с себя «Узи».

Марк посмотрел вверх и поймал брошенный ему автомат.

– Сам как будешь? – спросил он.

Борланд показал ему знак «о'кей». Марк кивнул, снял рюкзак и засунул в кабину грузовика. И скрылся среди брошенных автомобилей.

Сталкер лег на горячую металлическую пластину и замер. Вскоре к кладбищу подъехали новые «воины». Судя по звуку, их было двое. Борланд осторожно высунул голову и увидел, как они о чем-то переговариваются. Затем один медленно поехал между грузовиков, а второй остался под вышкой.

Это Борланду не понравилось. Если Марк и завалит первого «воина», то второй попросту закидает его гранатами или, что еще хуже, вызовет помощь по рации, и тогда уже сюда нагрянет вся Серая долина. Хотя, поскольку стрельба в том районе, где Борланд убил Лаваша, прекратилась, можно было предположить, что «ранговцы» оттеснили мародеров назад.

Осторожно поднявшись в полный рост и заглянув под настил, Борланд обнаружил то, что придало ему уверенности. Устроенный Марком взрыв повредил металлический столб, на котором находилась вышка. Выданные куски железа и вмятины были как раз тем, что привлекало Борланда во времена его занятий паркуром. Ему приходилось штурмовать и более сложные стены. И хотя сталкер уже лет пять как завязал с паркуром, имело смысл проверить свои навыки.

Осмотреть траекторию взглядом опытного трейсера, выработать план – все это заняло считанные мгновения. Оттолкнувшись подошвами от пола, Борланд схватился за перила и сиганул через них, словно крутил «солнце» на турнике. Отпустив перила, он пролетел около полутора метров и поравнялся с нижней поверхностью обзорной площадки. Крепкие пальцы ухватились за острый край, и сталкера по инерции бросило вперед. Борланд мгновенно вцепился в ржавый выступ, на котором когда-то крепилась лестница, и смягчил ногами толчок о столб. Обзорная площадка осталась в метре над его головой. Повиснув на руках, Борланд заметил отверстие в столбе двумя метрами ниже и позволил гравитации перенести его туда. Благодаря натренированному глазу и сильным рукам и это ему удалось. Сбрасывая ускорение свобод-

ного падения, сталкер транзитом через две вмятины и один искореженный выступ добрался до самого низа. Оттолкнувшись от столба, Борланд прыгнул прямехонько на спину мотоциклисту.

Оба упали. Борланд моментально выхватил нож, но получил ребром ладони по шее и свалился на землю. «Воин» вскочил на ноги и направил «Узи» на Борланда. Сталкер ногой отпихнул автомат в сторону, затем извернулся и полоснул ножом по голени врага. Фигура в шлеме издала невнятный звук, и второй удар Борланд получил уже ботинком в ухо. В голове зазвенело, но Борланд, выбросив ногу, ударил мародера по колену. Когда тот упал, сталкер молниеносно всадил нож ему в бицепс и провернул. Шлем не мог заглушить крика. Борланд вскочил на спину поверженному врагу, и через пять секунд все было кончено.

Выстрелов из «Узи» не было слышно. Борланд взял автомат убитого мародера и короткими перебежками стал пробираться в глубь кладбища. Рокот мотоцикла второго «воина» был тихим и монотонным, свидетельствуя о том, что хозяин покинул железного коня. Осторожно выглянув из-за красного обшарпанного автобуса, Борланд заметил мотоцикл, стоящий на тропе. Мародера нигде не было видно. Борланд не знал, мог ли напарник убитого «воина» услышать шум схватки.

Когда Борланд прошел еще немного вперед, на него вдруг сверху прыгнул кто-то очень ловкий.

«Мать твою, да что ж мы как обезьяны воюем!» – подумал сталкер, уронив автомат и пытаясь сбросить с себя нападающего.

Тот обхватил его ногами за пояс, а руками принялся душить. Борланд знал, что ни в коем случае нельзя падать. Прикосновение мотоциклетного шлема к его затылку не оставляло сомнений относительно того, кто именно напал на него. Нога мародера не давала вытянуть нож. С трудом сделав несколько шагов, Борланд оказался возле остова вертолета с безвольно обвисшими лопастями. Нужно было срочно найти что-то острое. Дышать становилось не то чтобы трудно, а просто невозможно.

На корпусе вертолета показалась фигура Марка с мародерским автоматом в руках. Борланд не удивился бы, увидев над его головой ореол, так как помощь ангела-хранителя сейчас была бы очень кстати. Марк прицелился, и сталкер понял, что божественная автоматная очередь сейчас изрешетит как мародера, так и его, Борланда.

Марк решил иначе. Дослав патрон, он вытащил магазин и бросил его вниз.

«Правильно, дружище, – уже теряя сознание от удушья, подумал Борланд. – Спасать заложника автоматной очередью ничем не лучше, чем сразу пристрелить его, чтобы не мучился. Вопрос лишь в том, как именно выстрелить...»

Единственный возможный вариант, который так часто показывают в боевиках, – это меткий хедшот. Но пуля запросто могла отскочить от шлема мародера и угодить в Борланда.

Марк прыгнул на лопасть, затрещавшую и прогнувшуюся под ним на полметра. Оттолкнувшись от нее обеими ногами, он в прыжке пролетел над Борландом и всадил единственную оставшуюся в стволе «Узи» пулю прямо в голову мародера, сверху вниз.

Сталкер спружинил ногами о землю, полы его куртки изящно взвились и опустились снова. А последний «воин Зоны» кульком свалился на выгоревшую траву.

Марк и задыхающийся Борланд повернулись лицом друг к другу. Тело «воина» разделяло двух сталкеров, но их взгляды установили прочный контакт.

– Спасибо, – с трудом прохрипел Борланд, растирая шею.

Марк слегка кивнул в ответ.

Он забрал свой рюкзак, и сталкеры без лишних слов покинули кладбище автомобилей, оставив Зоне заботу о павших в этот день. Они знали, что мутировавшие кабаны, черномыльские собаки и прожорливая почва примут новые жертвоприношения и к завтрашнему дню Мусорка будет готова к новым.

Глава 4

План

Они шли уже минут пять. Борланд мысленно строил самые разнообразные предположения насчет того, кем мог быть его спутник и чем занимался на Мусорке. Ни одно его не удовлетворяло.

– Друг любезный, ты куда идешь? – наконец прервал он молчание.

– Хочу убраться подальше оттуда, – пояснил Марк.

– Это похвально. Но видишь ли, какое дело... Я, как ты понимаешь, нахожусь в процессе отхода после трудной работы. Я рад, что ты не спросил, какой именно. И что помог стряхнуть бравых байкеров. За это спасибо. Вот только шастать за мной по пятам не следует.

Марк пристально посмотрел на него:

– Не хотел, чтобы с тобой что-то случилось.

– Со мной? Ну, спасибо, конечно. – Борланд обозначил благодарственный поклон и усмехнулся. – Видать, я забыл отплатить за помощь хабаром. Виноват, ты уж прости. Подумалось мне, что такому молодцу, как ты, не нужны арты. Раз ошибался, не гневайся.

Он стянул с себя рюкзак и вытащил два «Пламенных Обруча».

– Мне не нужно, – сказал Марк, и Борланд тут же кинул артефакты обратно в рюкзак.

– Я другого ответа и не ждал, – сказал он, забрасывая рюкзак на плечо. – Ну, говори прямо. Я что-то тебе должен?

– Нет.

– Вот и отлично. А теперь...

Борланд придвинулся вплотную к Марку и отчетливо произнес:

– Не ходи за мной.

Развернувшись, он быстрым шагом направился к Технопрому.

– Подожди!

Борланд, придав лицу самое властное и суровое выражение, оглянулся и рявкнул:

– Что тебе нужно?!

Марк вновь внимательно смотрел на него.

Он знал, что за последние сутки его поведение стало одной из главных тем для обсуждения на Рубеже. Но его это мало интересовало. Куда важнее было то, что он сумел более-менее оценить возможности сталкеров, никогда не заходящих дальше Мусорки. Ни один из них его не устраивал. Ни проводники, ни новички, ни одиночки, ни клановцы.

А Борланд был как раз подходящим человеком для того, что задумал Марк.

– Мне нужно в центр Зоны, – признался он. – Один я не доберусь. Хочешь, пойдем вместе.

Наступило напряженное молчание. Борланд осторожно приблизился.

– В центр, говоришь? – сказал он задумчиво. – Это интересно. Только скажи мне зачем...

Не договорив, он резко ударил Марка в солнечное сплетение. Тот согнулся, лоя воздух раскрытым ртом. Борланд повалил его и прижал к траве.

– Вот оно что, – произнес он жестко. – В центр Зоны мы хотим. Помощников себе нанимаем, значит.

Марк ничего не отвечал, только хватал ртом воздух и пытался вырваться из цепких рук.

– И как я сразу не сообразил, – продолжал Борланд. – Ты, зараза, следил за мной. Позволь угадаю. Ты в Зоне максимум неделю, так? Ни один сталкер, кроме самых полных идиотов, не предложит незнакомому человеку идти вместе в глубь Зоны. Не будет бродить без оружия. И не станет навязываться в сопровождающие.

Он еще сильнее прижал Марка к земле и добавил:

– Убивать ты научился. Гранату зачихнул в артефакт и радуешься. Только в мозгах у тебя по-прежнему розовые слоники летают. Запомни, щенок: никогда не считай себя умнее других. Плохо кончится.

В этот момент Марк резко дернулся. Хватка Борланда ослабла, и Марк, высвободив руку, ударил его в нос, на мгновение ошеломив сталкера. Затем последовал удар в подбородок такой силы, что у Борланда заплясали круги перед глазами. Спустя секунду он обнаружил, что сидит на земле и смотрит в дуло пистолета.

– Я не хожу в Зону без оружия, – сказал Марк.

Борланд скосил глаза на ствол:

– «Форт-двенадцать»? Где ты такой раздобыл? Новичкам подобные игрушки не дают. Прибил кого-нибудь?

– Это оружие раненого сталкера, которому оно больше не нужно, – ответил Марк.

– Считай, что я поверил. Но ты прав, мне до этого дела нет.

– Ты тоже кое в чем прав. Я действительно всего неделю в Зоне, – сказал Марк, опуская пистолет. – Но мне очень нужно к центру. Я не знаю, кому можно это предлагать, а кому нет, местные правила усвоил плохо. И решил быть с тобой честным.

– Честным, – повторил Борланд, поднимаясь с земли. – Тогда и я тебе честно отвечу. Возвращайся на Рубеж, проведи пару вечеров в компании толковых людей. Тех, которые расскажут тебе в подробностях, что такое Зона и почему никому не удавалось забраться дальше Ржавого леса. А потом продавай все, что у тебя купят, и убирайся к чертям домой, к горячему кофе и теплой постели. Этот совет бесплатный, но стоит дорого.

Марк побагровел:

– Напрасно ты так. Я понимаю, что выгляжу наивным. Но я знаю, о чем говорю. Если пойдешь со мной, сам убедишься, что мы с тобой хотим одного и того же и в этом близки.

– Ты даже не представляешь насколько, – процедил Борланд и резко присел.

Быстро сбив Марка подсечкой, он выхватил у него «Форт-12» и отпрыгнул назад.

– Вот теперь мы с тобой очень даже далеки, – сказал он, пока Марк оправлялся после падения. – Поскольку ты моему совету не внял, жить тебе осталось немного. Зона об этом позаботится. А пистолет тебе ни к чему. Нужно знать, когда можно пользоваться оружием, а когда нет. Всего хорошего.

– Я знаю, как пройти через Заслон, – сказал Марк.

Борланд прищурился:

– Заслон? Мы уже новое слово выучили? Тогда почему ты не повелитель мира? А то, знаешь ли, не особо похож.

– Твой детектор аномалий включен? – спросил Марк.

– Нет, – Борланд выключил всю технику перед тем, как убрать ее в схрон, поскольку в пределах Мусорки определял все аномалии на глаз. – А что?

– Включи его.

– Зачем?

– Увидишь, кто из нас наивен, – ответил Марк серьезно.

Борланд хмыкнул, вытащил детектор и нажал на кнопку. Громкий треск и мигающая лампочка чуть не заставили его уронить прибор в траву.

– Какого черта?! – спросил он, водя детектором по сторонам.

А потом навел на Марка:

– Ты?!

Марк какое-то время смотрел на Борланда, затем, продолжая сидеть, стащил с себя рюкзак. Расстегнул лямки, раскрыл молнию и кивком предложил собеседнику посмотреть на содержимое.

Борланд заглянул в рюкзак и потерял дар речи. Там было полно самых разнообразных артефактов. Начиная с простейших «Иголок» и «Кувшинок», продолжая безумно дорогими «Млечными Путиями» и заканчивая совершенно неизвестными Борланду образованиями. Интуиция подсказывала ему, что он нашел причину тревоги детектора.

– Где ты это взял? – спросил Борланд и тут же догадался: – Это из-за Заслона?

Марк кивнул.

– Ты там был? – спросил сталкер.

– Нет, – ответил Марк. – Но это оттуда. Ты можешь получить во много раз больше. Все, что от тебя требуется, – это помочь мне дойти до Заслона.

Борланд несколько раз покивал и, закрыв рюкзак, отбросил его в сторону.

– Встать, руки за голову и повернуться, – приказал он, целясь из «Форты» в голову Марка.

Молодой сталкер изменился в лице.

– Что это значит? – спросил он.

– Не зли меня, малыш, – ответил Борланд с усталостью в голосе. – Сейчас мы с тобой пробежимся в темпе вальса до бара, и там Исидор с тобой потолкует по душам. Кто ты, откуда, зачем и почему. Извини, но ты больно уж странный для этого места. На Большой земле таких как ты было полно, вот я от них и сбежал сюда. А в Зоне странностей и так хватает, чтобы я терпел новые. Встать!

Марк медленно поднял руки и перевел взгляд правее и за спину Борланда. Тот не почувствовал ни малейшего движения сзади, но хорошо услышал щелчок затвора.

– Брось оружие, – сказал неизвестный.

Борланд послушно разжал пальцы и уронил пистолет в траву. Знай он точно, что имеет дело с двумя зелеными юнцами, быстро нашел бы способ переломить ситуацию. Но неожиданностей для одного дня было слишком уж много, чтобы и дальше навязывать свои правила игры.

Повернувшись, Борланд увидел перед собой совсем юного парня с хищным лицом, без опознавательных знаков какого-либо клана, принявшего позу, которую он, очевидно, считал устрашающей. Ну, точно любитель страйкбола в первом раунде. Вот только автомат был самым настоящим.

– Я надеюсь, хоть ты в своем рюкзаке никаких сюрпризов не приволок? – спросил Борланд.

– В сторону, – коротко процедил Орех, поводя стволом.

Борланд спокойно сделал несколько шагов и лег на траву. Довольно выдохнул и уставился в небо с видом безмятежного туриста.

Орех на мгновение смутился и перевел взгляд на Марка.

– Ты цел? – спросил он с легким волнением.

Марк встал на ноги, поднял рюкзак и оружие. Затем улыбнулся:

– Спасибо, Орех.

И, бросив на Борланда взгляд, добавил:

– Пойдем отсюда.

– А с этим что? – спросил Орех, кивнув на лежащего сталкера.

Борланд усилием воли подавил приступ хохота.

– А с этим ничего, – вздохнул Марк, набрасывая лямки рюкзака на плечи. – У каждого свой путь.

– Далеко собрались, молодежь? – поинтересовался Борланд, не вставая с травы.

– Заткнись! – проревел Орех, снова нацеливаясь на него автоматом.

– Вы хоть понимаете, что вам теперь на Рубеж соваться нельзя? – продолжал Борланд, полностью игнорируя оружие. – Вас там в асфальт закатают.

– В южной Зоне нет асфальта, – заметил Марк.

– А мы для такого случая завезем.

– Удачи тебе, сталкер.

– Вы что, в самом деле в центр Зоны собрались? – в голосе Борланда послышались новые нотки, которые не ускользнули от Марка.

Орех задержался и умоляюще посмотрел на товарища:

– В центр? Марк, дружище, возьми меня с собой, прошу тебя!

– Правильно! – насмешливо поддакнул Борланд. – Вдвоем идите!

Орех вновь открыл было рот, но Марк остановил новоявленного помощника взмахом руки. Затем подошел к Борланду, который уже поднялся и смотрел на него с издевательским прищуром.

– Что? – спросил Борланд. – Стукнешь меня? Ладно, черт с тобой, убирайся своей дорогой. Считаю, мы друг друга никогда не видели.

– Что возвращает нас к началу беседы, – сказал Марк, глядя ему в глаза.

Борланд замер на мгновение и расхохотался.

– Нет, парень, ну, ты мне определенно нравишься! Я почти верю, что ты всего-навсего обычный сталкер, который знает то, чего не знаю я.

– Так и есть, – подтвердил Марк.

– Ну, теперь точно верю.

Борланд сплюнул на траву и протянул ему руку:

– Мир?

– Мир, – сказал Марк, отвечая на рукопожатие.

Орех опустил ствол, все еще ожидая подвоха, но его не последовало.

– Да расслабься ты, братан, – подмигнул ему Борланд и отпустил руку Марка. – Сработал ты хорошо. Как подкрался?

– Это я умею, – зарделся Орех. – На Большой земле свободного времени было много, вот и научился.

– Орех, да? Я правильно понял?

– Правильно, – расплылся в улыбке парень.

– Молодец. А ты, сталкер... – Борланд снова повернулся к Марку и изучающе оглядел его с головы до ног. – Сам понимаешь, не в Орехе дело и не в оружии.

– Я понимаю, – ответил Марк.

– Все было иначе, пока до меня не дошло, что ты никому вреда не желаешь.

– Никому, – подтвердил Марк.

– Ну, давай коротко о деле. К центру Зоны? Чем черт не шутит, почему бы и нет? Каков план?

Марк понял, что все в порядке. Он отыскал ветку, присел и начал чертить на свободном от травы пятачке.

– Смотрите сюда. Мы находимся здесь. – Марк ткнул веткой в начерченный круг. – Это Мусорка. К югу от нас Рубеж. Слева Технопром, справа Серая долина. Севернее находится Бар, левее от него Чумные земли и озеро Смоль.

Борланд с Орехом молча кивали.

Марк провел несколько прямых линий, помечая направления, и продолжил:

– До этого момента проблем нет. Севернее Бара располагается военная зона.

– Полигон уже не военная зона, – вставил Борланд. – А намного хуже.

– Твоя помощь понадобится, чтобы пройти дальше, через Полигон, к Ржавому лесу. Потом мы выйдем к Заслону, закрывающему дорогу на Припять.

– Допустим, – сказал Борланд.

– И я полностью обезврежу Заслон, – заявил Марк.

– Каким образом?

– Вот это вторая, сложная часть плана. Я достоверно знаю, как можно пройти через Заслон, но для выяснения всех деталей мне понадобятся некоторые документы ученых.

Борланд удивленно поднял брови:

– Какие документы?

– Я не знаю точно, как они выглядят, но точно определю их, когда увижу. Вероятно, это части одного большого научного отчета.

– И где они находятся?

– Здесь, в Зоне. Если точнее – в каждой из научных лабораторий.

Борланд хотел что-то сказать, но передумал.

– Нас интересует лаборатория Дельта-семнадцать на Технопроме, – Марк обозначил точку на почве, – Дельта-восемнадцать в Серой долине, – ветка вонзилась в землю еще раз, – и Дельта-шестнадцать на озере Смоль, – ветка поставила последнюю точку.

Орех с шумом втянул воздух.

– Про Дельту-семнадцать знаю, – сказал Борланд. – Легендарные подземелья Технопрома. Даже один раз туда спускался. Остальные для меня новость.

– Поверь мне, они существуют, – заявил Марк.

– Значит, нам придется там побывать. И затем ты сможешь снять Заслон.

– Совершенно верно.

– И что потом?

Марк взглянул на Борланда и усмехнулся:

– Если все получится, то откроется выход дальше на север, в Припять. Если нет, то мы, по крайней мере, об этом узнаем.

– И ты пойдешь в Припять? – спросил Орех.

– После Заслона любые наши договоренности теряют силу, – ответил Марк. – Я могу пойти в Припять, если получится. Вы тоже можете пойти. Но решать этот вопрос сейчас я не стану. Речь идет только о снятии Заслона.

– Откуда тебе все это известно? – спросил Борланд. – Ты из ученых? Красиво излагаешь.

– Да, раньше был.

– Бывший ученый, – хмыкнул Борланд. – Я еще понимаю, бывший военный. Но бывший ученый – это пять баллов. Таких у нас еще не водилось.

– Считаю, что я буду первым.

Борланд прикинул правдоподобность легенды и понял, что как ни удивительно, но придраться действительно не к чему. Все, что находится в Зоне, так или иначе создано людьми либо является следствием их деятельности. Логично, что в мире хватает как хранителей секретов, так и жаждущих их разузнать.

– Ты не будешь сильно возражать, если я время от времени буду тебя спрашивать, на кого ты работаешь? – спросил Борланд.

– Не буду, – ответил Марк, встал и стер схему ногой. – Потому что каждый раз я буду отвечать тебе: «Ни на кого».

– Тогда хотя бы скажи, зачем тебе все это нужно.

– Я просто хочу знать, что происходит.

– И для этого пришел в Зону.

– Да.

– Видимо, для тебя это имеет большое значение, если ты так хорошо подготовился и так упорствуешь.

– Очень большое, – подтвердил Марк.

Борланд взглянул на заходящее солнце.

– Вечер, – констатировал он. – Когда выходим?

– Завтра, – сказал Марк. – Начнем с Дельты-семнадцать. Она ближе всех.

– Меня устраивает, – торопливо вставил Орех и с боязнью взглянул на Марка. – Я же иду с тобой, верно?

Марк доброжелательно кивнул:

– Если ты хочешь.

Орех преобразился.

– Друг, я за тебя жизнь отдам! – торжественно провозгласил он и для пушей убедительности стукнул себя кулаком в грудь.

– Погоди жизнь отдавать, она тебе еще пригодится, – сказал Борланд. – Так, нам нужно кое о чем перетереть. Марк, если ты принимаешь в команду Ореха, то это твое право. А теперь я должен заявить, что это последний твой поступок, не согласованный со мной. Если ты берешь меня фактически на роль проводника, то я отныне становлюсь главным в команде.

– Разумеется, – склонил голову Марк.

– Если вдруг кто-то понимает слово «главный» по-своему, я позволю себе разъяснить. Я даю указания, а вы их исполняете. Не спрашивая зачем. Если кто ослушается – я, в лучшем случае, буду бить, и, может быть, даже ногами. Я человек нервный. В худшем – наше соглашение частично теряет силу. Это означает, что провинившийся будет мне по-прежнему должен, в то время как я не буду ему должен ничего. Ясно?

– Да, да, понятно, – ответил Орех, немного смутившись.

– Согласен, – сказал Марк.

– Отлично.

Борланд секунду подумал и продолжил:

– Теперь давайте определимся, кто чего хочет. Куда идешь ты, – он посмотрел на Марка, – мне неважно. Я склонен считать, что Заслон не просто так мешает тебе спать по ночам. Если его возможно снять вообще и если ты это сделаешь, то это означает одно: у тебя есть свои интересы в северных от Заслона районах, куда пока ни один человек не добрался. Теперь ты, Орех. Чего ты хочешь?

– Я сталкер, – ответил Орех. – И хочу изучить Зону.

– Все с тобой понятно. Ну, а вот чего хочу я. Во-первых, если Заслон будет снят, я хочу это видеть. Во-вторых, я хочу пройти дальше. Но этого, как я понимаю, мне гарантировать никто не может, так что это не условие, а так, информация к размышлению. Времени на распитие бутылки, чтобы узнать друг друга лучше, у нас нет, да я и сам пойму, кто чего стоит, в первом же совместном бою. Так что будьте готовы к тому, что нам придется повоевать. И третье. Я хочу хороший хабар.

– Он будет, – сказал Марк.

– Не сомневаюсь, так как после Заслона хабаром станет любая фиговина, которой не найти в южных районах. Но я не об этом. Я хочу артефакты. Настоящие, с уникальными свойствами, дорогие. Чтобы душа плясала. Чтобы можно было их продать либо употребить в личных нуждах.

– Ты получишь во много раз больше того, что видел в моем рюкзаке, – сказал Марк.

– Малыш, ты с поразительной точностью улавливаешь мои мысли, – усмехнулся Борланд. – Вам с Орехом нужно будет добыть себе нормальное снаряжение. Оружие я предоставлю – хорошее, проверенное, пристрелянное. Если понадобится, выменяй хлам в своем рюкзаке, только не переусердствуй с редкими образцами. Но чтобы завтра вы оба любовались восходом на границе с Рубежом в полной боевой готовности.

– Будет сделано, – кивнул Марк.

– И одна деталь. Я включу в группу еще двух человек.

– Зачем? – спросил Марк, а Орех начал переминаясь с ноги на ногу.

– Потому что я так решил, – спокойно ответил Борланд. – Без обид, парни, я не намерен бродить по всей Зоне вдоль и поперек, имея вас обоих на хвосте. Будь вы профессионалами,

другое дело. Но, вместо того чтобы стать моей тенью, глазами и дополнительными руками, вы окажетесь обузой. Подробности объяснять?

– Нет, – сказал Марк, а Орех мотнул головой.

– Вот и прекрасно. Потому что если бы вы не поняли смысла моего простейшего требования, экспедицию можно было бы заканчивать не начиная. Завтра к восходу солнца я приду на границу с Рубежом с двумя парнями. Хорошими, надежными. А вы оба помните, что я вам сказал. Есть вопросы?

– Нет, – ответил Марк, слегка улыбаясь.

Борланд словно не заметил улыбки:

– Отлично. Тогда расходимся.

– Расходимся, – повторил Марк и поправил рюкзак на спине.

Орех приготовился последовать за ним.

– Удачи тебе, сталкер, – сказал он Борланду.

Вдали раздался звериный рев.

Сталкеры быстро повернулись в ту сторону.

– Что это? – спросил Орех дрогнувшим голосом.

– Не знаю, – ответил Борланд, озадаченно осматривая холмы. – Но мне это не нравится.

Ну что, исследователи? Хотели изучить Зону? Вот вам и шанс.

Рев за холмом сменился урчанием. Орех положил руку на автомат, Борланд коснулся пальцами рукоятки ножа. Марк сделал шаг вперед и в следующую секунду увидел зрелище, от которого все внутри словно стало скручиваться в тугий узел.

Мягко ступая, на ближайший холм взошла огромная монстера. Она царственной походкой двигалась к сталкерам, не приминая ни травинки на своем пути. И остановилась метрах в пятнадцати от них, глядя на Марка большими зелеными глазами.

Орех еле слышно охнул.

– Все стоим на месте, – прошептал Борланд, крепко сжимая бесполезный нож.

Марк почувствовал, что земля словно уходит у него из-под ног. Усилием воли он заставил себя стоять прямо и смотреть монстере в глаза. Это была та самая тварь, чьих троих детей он убил на Рубеже. Он знал, что других монстер быть здесь не могло. Другие не смотрели бы на него так, как эта.

Монстера открыла пасть, продемонстрировав острые клыки. Затем снова извергла страшный рев. Орех закрыл глаза и упал на колени, тяжело дыша. Борланд стиснул зубы. Марк не выдержал, отвел взгляд и закрыл лицо руками в ожидании нападения.

Взмахнув хвостом, монстера развернулась и вскоре исчезла в чаще чернобыльских покореженных деревьев.

Глава 5

Сенатор

Над Рубежом взошла полная луна. На севере протяжно завывала слепая собака, потом к ней присоединились другие, и вой реквиемом разнесся над лесом. По какой-то причине пресловутая реакция волков на луну, укоренившаяся в народных преданиях, переключалась в гены чернобыльских псов, слаженность завывания которых могла посоперничать с синхронностью поворотов рыб в море.

Орех разводил костер. Рубеж был единственным местом в Зоне, где можно было осмелиться ночевать на открытой местности, да еще и с костром. Поэтому сталкеры перед большим путешествием решили переждать ночь не в душном бункере и не на дереве, а растянувшись на зеленой траве и всматриваясь в бесконечное небо. Кроме того, Марк имел собственные причины выйти ночью на просторы Рубежа. Он не хотел находиться возле сталкеров больше, чем это было необходимо. Так что они расположились в тихом месте неподалеку от сошедшего с рельс проржавевшего электровоза. Орех занялся костром, а Марк принялся за ревизию снаряжения, только что купленного в баре «Рубеж».

Сев на землю и расстегнув рюкзак, Марк вытащил четыре сталкерские аптечки, упакованные в синий полиэтилен, несколько армейских продовольственных пайков моментального приготовления, нож, небольшой мощный фонарь и новенький бинокль. Все это он приобрел у клана «Небеса» в обмен на артефакты и сталкерскую куртку, полученную им по прибытии в Зону. Основная часть средств ушла на усиленный защитный комбинезон, в который Марк сразу же облачился. Такие довольно удобные, плотно прилегающие к телу комбинезоны были в ходу у клана «Победа». Самое главное, что он был новый, так как подержанные защитные доспехи, снятые с мертвых сталкеров, популярностью не пользовались. Не столько из этических соображений, сколько из философских – зачем нужен комбинезон, не спасший своего хозяина? Исключением были только «праховцы», которые считали за честь носить броню, снятую с убитых, и желательно с пятнами крови.

Сталкер, продавший комбинезон, заверил Марка, что он «оснащен дополнительными циркониевыми элементами, которые обеспечат отличную защиту от автоматных очередей и осколков». Вряд ли клановец представлял себе, что такое цирконий, но, по крайней мере, верил в то, что говорил. На правом рукаве были кармашки для хранения пистолетных магазинов, что очень ускоряло процесс перезарядки. На левом – углубления для различных электронных средств и запасные ножи. Костюм был оснащен прибором ночного видения, который в условиях технического прогресса больше не представлял собой коробку, а скорее напоминал элегантные очки. Прибор соединялся с костюмом закамуфлированным кабелем и при необходимости помещался в нагрудный карман. Карманов было вообще довольно много, и Марк быстро заполнил их шоколадками и болтами – двумя почитаемыми у сталкеров вещами. Никто уже не помнил, откуда пошла традиция определять границы аномалий бросанием болтов, зато каждый ценил вкусные и питательные шоколадные батончики.

Марк проверил пояс, на котором крепились ножи, детектор аномалий и дюжина резиновых контейнеров для воды. Старое, но очень удачное изобретение, позволявшее пить через тонкую эластичную трубку, которую можно было присоединить к любому из контейнеров.

Отстегнув от пояса флягу, Марк некоторое время смотрел на нее, затем поболтал, проверяя, нет ли трещин. Хотя то, что там находилось, никак не могло просочиться наружу, поскольку внутри фляга была выложена хрусталем. В совокупности с содержимым – полужидкой массой – эта удивительная вещь, сделанная из используемых в авиапромышленности материалов, вызвала бы азарт у физиков, химиков и эстетов одновременно. Марк сунул флягу в

карман рюкзака – спать с ней на поясе было нежелательно, хотя раздавить ее можно было разве что гусеницами танка.

В рюкзаке оставались лишь артефакты, нужные Марку, и те, продать которые без дополнительных вопросов не представлялось возможным, да и не нужно было. Один только «Млечный Путь» – причудливое образование в форме оранжевого коралла, повышающее пулестойкость в ущерб сопротивляемости радиации. Три «Поролон-экстра», разового действия. Одна шипастая «Иголка», очищающая организм от любого вредоносного излучения, но раскрывающая на теле все свежие раны и даже, в некоторых случаях, старые шрамы. Две коричневые полупрозрачные «Селитры», моментально восстанавливающие целостность организма, но делавшие его на какое-то время неоправданно восприимчивым к различным ожогам. В ассортименте был даже один «Дементор», усиливающий концентрацию внимания и способность мыслить, но нагнетающий при этом жесточайшую депрессию и нежелание жить. Несмотря на высокую ценность и то, что они являлись основной причиной пребывания людей в Зоне, артефакты были сталкерским проклятием, и их следовало использовать только при острой необходимости. Порой они могли спасти жизнь, вовремя излечив тело, однако потом всегда следовала плата в виде других нарушений здоровья. Это была очень опасная игра, по поводу которой христианская церковь провела бы очень уместную аналогию с договором, который раньше заключали с дьяволом. Но по уровню азарта и помешательства с артефактами не могли сравниться даже казино, экстази и видеоигры, вместе взятые.

Вытащив «Розовый Бутон», Марк позволил себе полюбоваться отблесками костра на поверхности артефакта. Он был сравнительно недорог, множество этих артефактов валялось по всему Рубежу. Разглядывание его у костра замечательно успокаивало, что сейчас было очень кстати. Образ монстры не выходил у Марка из головы. Насколько он знал, это было самое загадочное существо Зоны, не подлежащее исследованию. Марк не сомневался, что ему еще предстоит новая встреча с монстерой.

– О чем думаешь, брат? – спросил Орех, вскрывая банку мясных консервов.

Ему достался стандартный комбинезон сталкеров, точно такой же, какой носил Борланд. Костюм был широко распространен среди клана «Небеса» и одиночек южных районов Зоны как лучшая защита от большинства опасностей. Но в таких местах, как кислотные болота и очаги повышенной радиоактивности, он своего владельца не предохранял, равно как и не мог уберечь от заряда дробы в упор. Бывали случаи. Хотя, если учитывать склонность сталкеров избегать стрельбы и ходить лишь в местах, где защита как таковая не обязательна, то комбинезон был вполне приемлемой одеждой.

– Думаю о прошлом, – ответил Марк.

Орех с согласием закивал:

– Я тоже. Когда шел в Зону, считал, что только о будущем и буду думать. А оказалось, по родным скучаю.

В то время как Марк занимался снаряжением, Орех сбегал к Исидору и, без лишних слов и не привлекая внимания, купил еду. За все было заплачено артефактами Марка, плюс две «Кувшинки» добавил от себя Орех, гордый тем, что покупка производится и за найденные лично им самим артефакты. И хотя «Кувшинка», по местным меркам, стоила не больше, чем суточный запас продовольствия, радость молодого сталкера при находке артефактов можно было сравнить с чувствами старателей на Клондайке во времена золотой лихорадки.

Причина, по которой Марк согласился взять его с собой, была проста. Никогда не нужно отказываться, если тебе предлагают не просто партнерство, а настоящую дружбу, тем более когда друг действительно может очень помочь.

Упаковав снаряжение обратно в рюкзак, Марк осмотрел «Форт-12». Он все еще пользовался оружием Пластуна, так как оно неожиданно пришлось ему по душе и удобно ложилось в ладонь. Перспектива стрелять в человека и тем более убивать не вызывала у Марка никакого

светлого чувства. Любое насилие было ему чуждо с детства. Но за последние пять лет он начисто вытравил из себя все черты характера, которые могли ему помешать в Зоне. Он полагался на собственный здравый смысл. Лишь когда его инструктор сказал, что он стал настоящей боевой машиной, Марк понял, как сильно поменяли его годы жестоких тренировок, морально и физически. Мало кто догадался бы, что трое убитых Марком мародеров – его первые жертвы. Борланд был прав: он действительно воспользовался гранатой, засунутой в артефакт «Тесто», и потому ударная волна пошла горизонтально, а не во все стороны, как положено. Не находись Борланд на вышке – погиб бы вместе с остальными. Безопасная зона «Теста» находится не над плоскостью волны, а под ней. Буквально в полуметре, какой бы хаос ни бушевал наверху.

Убрав оружие в кобуру на поясе, Марк достал из рюкзака последнюю и самую важную вещь, завернутую в отрезок белоснежной материи. Бросив взгляд на Ореха и убедившись, что тот смотрит в другую сторону, Марк осторожно извлек небольшой черный кристалл. Чужеродный камень не подавал никаких признаков активности, все так же ожидая инструкций, которых, разумеется, не последовало.

Полюбовавшись блестящим осколком, Марк снова обернул кристалл тканью и спрятал в самом низу рюкзака.

– Пить охота, – сказал мечтательно Орех. – Пивчанского бы. Ну или кваску.

– Привыкай к тяжелой жизни, – ответил Марк и слегка улыбнулся.

Орех же «слегка» улыбаться не мог и продемонстрировал искреннюю и добродушную ухмылку до ушей.

– Как ты думаешь, Марк, что там, за Заслоном?

Марк только покачал головой:

– Не знаю, дружище. Но очень хотел бы узнать.

Орех только кивнул и подкинул сучьев в огонь. Глядя на товарища, не обремененного никакими внутренними проблемами, Марк старался найти хоть какие-то ассоциации с тем, кем был он сам до возникновения Зоны. Воспоминаний о тех временах становилось с каждым днем все меньше, оставляя только до наивности простое настоящее и четкую цель, заслонившую собой все вопросы и сомнения. Если в мире и существовала судьба, то «Черный Кристалл» давал полное право менять ее по своему усмотрению, а причина, по которой Марк оказался в Зоне, просто не оставляла иного выбора, кроме как ковать собственную судьбу самостоятельно.

Если же судьбы нет, то самое время было ее создать.

Мысли Марка были прерваны тихим приближающимся шорохом. Оглянувшись, он увидел человеческий силуэт. Впрочем, в Зоне было как минимум пять-шесть видов созданий, чьи очертания напоминали человеческие, поэтому Марк внутренне напрягся и расстегнул пальцем кобуру.

Орех тоже привстал, подцепив рукой ремень автомата, и крикнул:

– Стой, стрелять буду!

– Не стреляйте, сталкеры! – послышался голос.

Хотя по меркам Зоны столь короткая и ровным счетом ничего не проясняющая просьба о мире была недостаточной, Орех все же не стал стрелять. Фигура приблизилась, и свет костра озарил лицо человека средних лет, небольшого роста и с умным взглядом.

– Сенатор! – удивился Орех. – Ты что тут делаешь?

– Пустите погреться у костра? – спросил Сенатор, глядя на Марка.

Марк помедлил.

– Я не отниму у вас много времени, – ободряюще сказал Сенатор и сел рядом с огнем, вытянув к нему руки. – Простите, друзья мои, но мои пальцы уже не те. Плохо мне даются холодные ночи.

На Сенаторе был плотный плащ с длинными полами и капюшоном, не имеющий ничего общего со сталкерским обмундированием. Самый обыкновенный плащ, который можно заме-

тить дождливыми вечерами в городах на спешащих с работы к домашнему чаю жителях. С собой у него, кажется, не было ни рюкзака, ни оружия, хотя под плащом можно было спрятать совсем немного полезного в Зоне добра. Но, как говорил сталкер Клык, у каждого свой стиль.

– А что ты тут делаешь? – спросил Орех, тоже садясь и кладя автомат на землю.

– Решил попытать счастья в поиске артефактов, – ответил Сенатор, вновь глядя на Марка. – В такую ночь грех оставаться за стенами. Нужно ценить все, что видишь вокруг себя, и наслаждаться этим, пока не истекли отпущенные тебе часы. А ты, мой друг, очевидно, Марк?

– Да, – ответил Марк, усаживаясь с противоположной стороны костра. – Мы знакомы?

– Твоя слава тебя опережает, – ответил Сенатор, медленно приблизив пальцы почти к самому пламени. – И твой друг очень хорошо сегодня отзывался о тебе в баре.

Марк кинул косой взгляд в сторону партнера, и Орех со смущенной улыбкой пожал плечами.

– Будешь ужинать? – спросил Орех, протягивая Сенатору открытую банку фасоли с грибами.

– Благодарю покорно, это очень кстати, – сказал Сенатор приветливо, беря банку и кладя ее на угли. – А вот мой вклад в общий стол.

С этими словами Сенатор запустил руку в один из бездонных карманов плаща и вытащил пластиковую литровую бутылку, которую, не глядя, передал Ореху:

– Держи подарок, сталкер.

Орех недоуменно принял бутылку, открыл, приложился и сделал глоток. Глаза его округлились.

– Да это же квас, настоящий! – воскликнул он. – Откуда у тебя квас?!

– Из бара, конечно! – лукаво усмехнувшись, ответил Сенатор. – Подобные вещи тут хранятся лишь в бронированных холодильниках.

– Супер! Марк, зацени! – воскликнул Орех, передавая бутылку.

Марк взял ее и попробовал. Квас действительно был неплох – настоявшийся, холодный и неожиданный.

– Спасибо, – коротко поблагодарил он и передал бутылку Сенатору.

Тот тоже отпил немного, вернул Ореху и сказал:

– Ваше здоровье, друзья мои.

Вытащив складной нож, он двумя движениями преобразовал его в вилку, поднял разогретую банку и принялся за еду.

Марк взглянул на Ореха. Тот успокаивающе прикрыл глаза и кивнул.

– Прошу извинить меня за вторжение, мне нужно где-то передохнуть, – произнес Сенатор, опустошив банку. – А поскольку Орех однажды воспользовался моим гостеприимством в другом районе Рубежа при аналогичных обстоятельствах, я счел достаточно приемлемым испытать ваше терпение, когда это стало необходимым.

– Ты тогда здорово меня выручил, Сенатор, – с легким смущением сказал Орех. – Я приполз без единого патрона и дико уставший.

– Более того, мой юный друг, без единой зубочистки, – добавил Сенатор, впервые за все время посмотрев на молодого сталкера. – И ты съел весь мой ужин и отключился, хотя по правилам, если ночью в Зоне вместе оказалось двое и более персон, то нужно по очереди стоять на часах, не обращая внимания на усталость. Но я не виню тебя, так как уверен, что в этот раз ты поступишь мудрее.

– Мы планировали дежурить по очереди, – произнес Марк, глядя на совсем сконфуженного Ореха.

– И кто должен дежурить первым? – спросил Сенатор.

– Я, – ответил Марк. – До двух часов.

– Боюсь, мой друг, тебе пришлось бы нести вахту до самого утра, – сказал Сенатор, снова глядя на Марка. – Нельзя недооценивать склонность этого юноши ко сну.

– У каждого свои недостатки, – возразил Марк.

– У каждого свое понимание сна, – ответил Сенатор.

Наступило молчание, в котором треск пламени слышался особенно четко, и Марк внезапно понял, что вой черныбыльских псов прекратился.

– Ты даже не заметил, как стало тихо вокруг, – произнес Сенатор, словно прочитав мысли Марка. – И в нужный момент ты можешь не услышать грома. Ты совсем новый человек в Зоне, а она совсем новая для тебя. Во взаимоотношениях Зоны и каждого сталкера есть свой, индивидуальный срок, в течение которого они привыкают друг к другу. Но ты не так прост, сталкер Марк. Это чувствуется. Ты никогда не привыкнешь к Зоне.

– Не знал, что я настолько выделяюсь.

– Выделяешься. Это заметили почти все обитатели Рубежа.

– Почти, но не все. И я не планирую привыкать к Зоне.

– Зона у каждого своя, – вымолвил Сенатор. – Для большинства сталкеров она стала последним пристанищем. Как у живых, так и у ушедших в лучший мир. Или в худший, кому какая доля выпала. Однако пристанище не всегда становится тем, что человек выбирает добровольно. Счастлив тот, кому есть куда идти из Зоны. А как быть с теми, для кого Зона – последний шанс?

– К чему ты клонишь? – спросил Марк.

– Я клоню к тому, что ты один из тех, для кого Зона стала последним шансом найти покой.

Орех, для которого эти разговоры были чересчур мудреными, начал сосредоточенно протирать автомат, поэтому не видел изменившегося лица Марка.

– Почему это Зона стала для меня последним шансом? – спросил Марк, чувствуя легкий озноб.

– Ты человек решительный, но твоя решимость остаточная. Основная ее часть ушла на то, чтобы набраться сил сделать выбор и прийти в Зону, надеясь тут окончательно все узнать.

– Кто ты? – спросил Марк, стискивая и разжимая кулаки. – Ты же меня не знаешь.

– Я тот, кого ты перед собой видишь, – ответил Сенатор. – И хотя я не знаю подробностей о том камне, что ты носишь на сердце, я тем не менее вижу тебя в общих чертах. Видеть и понимать чью-либо роль в общей картине намного лучше, чем замечать отдельные и ничего не значащие подробности, Марк.

– У каждого свой камень на душе, – тихо сказал сталкер.

– Но твой камень не порожден тобою. Это переживание за другого, близкого тебе человека. Это сразу видно, и это заметили бы все остальные, не будь у них собственных камней, ими же самими и порожденных. Эгоист не видит чужой боли. Но твоя боль действительно сильна, раз забросила тебя в Зону.

Озноб усилился, и Марк придвинулся поближе к пламени.

– Вот почему ты здесь, – продолжал Сенатор. – В том мире перед тобой встали неразрешимые вопросы, ответы на которые ты мог найти лишь в Зоне. Но Зона – место коварное. Она может дать любой ответ, после чего так же легко убить того, кто этот ответ искал. Однако твоя боль оказалась настолько сильной, что ты готов даже на смерть, лишь бы это принесло тебе объяснение. Вот почему ты здесь. Чтобы найти покой. И ты на все пойдешь, чтобы докопаться до истины.

– На все, – глухо подтвердил Марк.

– Вижу, тебе уже пришлось убивать людей.

– Пришлось, – прошептал Марк.

– Ты не найдешь себе мира, если сейчас все бросишь и вернешься домой.

– Я не собираюсь возвращаться, – произнес Марк, пытаясь совладать с собой.

Напряжение последних лет, которое он тщательно подавлял, отчаянно прорывалось наружу. Он закрыл лицо руками и пожелал, чтобы Орех куда-нибудь отлучился по любому поводу.

И его желание внезапно сбылось.

– Я скоро буду, – объявил Орех, повесил автомат на плечо и встал. – Мать-природа зовет по личной нужде.

– Будь осторожен, – сказал Сенатор, и Орех ушел, что-то насвистывая.

– Я не вернусь, – повторил Марк чуть громче, отнимая руки от лица и едва сдерживая слезы. – Получится у меня или не получится – вернуться обратно у меня нет шансов.

– Получится, конечно, – заверил его Сенатор. – А вернешься ты или нет, уже не столь важно. Будь это важнее, ты бы просто не пришел сюда. В любом деле нужно видеть успех не в том, чтобы обязательно добиться результата, а в том, чтобы костыми лечь, но сделать все, на что ты был способен. Это закончится либо получением желаемого, либо гибелью на пути к нему. И то и другое можно считать успехом. Жить по-другому просто не имеет смысла.

– Тогда я определенно намерен добиться успеха, – мрачно заметил Марк.

– И что же тебя гложет? – спросил Сенатор.

Марк глубоко вздохнул и успокоился. И ответил:

– То, что я могу не выдержать и стать кем-то другим.

– Да, это действительно опасно, – согласился Сенатор. – Позволь, я попробую угадать, что конкретно ты собираешься сделать. Ты идешь вглубь Зоны. Именно там и хранятся ответы на интересующие тебя вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.